

ГЛАВА II. ПЕРВЫЙ РОССИЙСКИЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ЦИКЛ

2.1. Период восстановления и роста

2.1.1. Становление Московского царства

Демографически-структурная теория изучает исторические процессы, протекающие в рамках структуры «государство-элита-народ», и наше исследование начинается с периода формирования этой структуры – с создания единого Российского государства во второй половине XV столетия. При этом необходимо отметить, что существенным моментом, ограничивающим поле деятельности историка, является наличие соответствующих исторических источников. Как известно, достаточно представительные источники по аграрной истории России появляются только с конца XV века, со времени составления новгородских писцовых книг – причем появление этих источников было непосредственно связано с рождением нового государства: писцовые книги были своеобразным проявлением этой новой государственности в фискальной сфере. Таким образом, момент рождения новой структуры естественным образом совпадает с появлением массовых источников, позволяющих исследовать эту структуру.

Определение 70-80-х годов XV столетия как нижней границы нашего исследования не означает, что анализ более ранних периодов с точки зрения концепции демографической цикличности в принципе невозможен – попытка такого анализа была сделана в одной из наших работ¹. Не пересказывая содержания этой работы, отметим, что ее главный вывод подтверждает мнение многих исследователей о том, что первая половина XV века была временем тяжелого социально-экономического кризиса. Этот кризис сопровождался голодом, эпидемиями, внутренними войнами, иноземными нашествиями и, в конечном счете, привел к значительному сокращению численности населения². Таким образом, созданию Московского царства предшествовал тяжелый экосоциальный кризис, после которого страна вступила в период восстановления.

В контексте демографически-структурной теории период 1470-1490-х годов важен тем, что в это время формировались отношения в новой создающейся структуре «государство-элита-народ». В этот период определилась доминирующая роль одного из элементов структуры, государства, и выявились характер и принципы распределения ресурсов в новой структуре. Таким образом, нам предстоит кратко рассмотреть, как формировалась новая структура и устанавливались новые (или трансформировались старые) социальные и сословные отношения. Необходимо кратко описать

составные элементы этой структуры и основные принципы взаимодействия между этими элементами, и, в частности, особенности российской структуры «государство-элита-народ» по сравнению с европейскими структурами. В соответствии с теорией, это описание должно стать основой для дальнейшего изучения динамики отдельных элементов структуры и динамики структурных связей.

Как известно, одним из определяющих моментов создания нового Российского государства было присоединение новгородских земель. Вслед за этим присоединением, зимой 1487-88 года великий князь Иван III выселил всех богатых новгородцев, отправил в Москву 7 тысяч «житьих людей» и вселил на их место москвичей. Практически все земли Новгорода – кроме немногочисленных крестьянских земель – были конфискованы; затем была проведена перепись и осуществлено первое массовое наделение воинов поместьями³.

Эта небывалая до тех пор на Руси акция имеет огромное значение: она положила начало созданию *поместной системы*, системы, которая легла в основу нового российского государства, новой структуры «государство-элита-народ». Впрочем, от времени Ивана III не сохранилось детального описания поместной системы, такие документы относятся к середине XVI века. В соответствии с порядками того времени воину за его службу давали от государя поместье с крестьянами – однако это поместье оставалось государственной собственностью; помещику причитались лишь платежи, зафиксированные в переписных листах. Поместье было небольшим, молодой воин, «новик», получал не больше 150 десятин земли – порядка десяти крестьянских хозяйств. Если воин на смотре или в походе вызывал недовольство командиров, то поместье могли отнять; если помещик проявил себя в бою, то «поместную дачу» увеличивали⁴.

В 1480-х годах перепись проводилась не только в Новгороде: переписывались земли бывшего Белозерского, Ярославского и Ростовского княжеств, недавно присоединенных к землям великого князя. Специалисты обращают внимание, что при этих переписях проводилась проверка владельческих грамот и многие земли были конфискованы в казну. У местных бояр и детей боярских отнимали лучшие деревни, их записывали на великого князя и затем раздавали в поместья (иногда – бывшим владельцам). В 1490-х годах переписи распространились на другие уезды, в течение двадцати лет княжеские дьяки описывали уезд за уездом – это было сплошное описание земель великого княжества⁵. При этом большинство вотчинников лишались податных иммунитетов, отныне они были обязаны нести службу и платить налоги в казну. Иммуниетные привилегии в свое время были пожалованы вотчинникам за их службу, теперь они отнимались – но обязанность служить при этом не отменялась, все вотчинники (кроме мельчайших) были обязаны военной службой⁶. Известно, что в 1520-х годах существовал порядок (вероятно, появившийся при Иване III), при котором дети боярские были занесены в списки по областям и едва ли не каждый год призывались на службу; перед походом нуждающимся выплачивалось

жалование, но те, кто обладал достаточными вотчинами, были обязаны снаряжаться за свой счет⁷.

Окончательно система обязательной службы вотчинников утвердилась при Иване Грозном, в 1556 году, когда были установлены единообразные нормы службы в зависимости от количества и качества земли. «Введение обязательной службы... – отмечает Р. Пайпс, – означало не более не менее, как упразднение частной собственности на землю»⁸. Действительно, по западным понятиям того времени собственник не был никому обязан служить. Это отметил Р. Ченслор, посетивший Россию в 1550-х годах: «В этой стране нет собственников, но каждый обязан идти [служить] по требованию государя...»⁹ «Историческое значение поместной системы, – подчеркивает Р. Г. Скрынников, – определялось тем, что с ее организацией в России утвердилась всеобъемлющая государственная собственность. Развитие государственной собственности трансформировало старое боярство периода раздробленности в военно-служилое сословие XVI века»¹⁰.

Огосударствление развивалось и в другом направлении: одновременно с наступлением на права вотчинников шло наступление на податные привилегии монастырей – более того, ставился вопрос о праве церкви владеть деревнями. Иван III собирался конфисковать церковные вотчины; уже были конфискованы церковные земли в Новгороде и в Перми. Только болезнь, воспринятая как проявление «божьего гнева», удержала великого князя от дальнейших действий¹¹.

Еще одним важным моментом в строительстве нового государства была централизация власти, нашедшая свое выражение в постепенном становлении российского самодержавия. «Современники заметили, что Иоанн... явился грозным государем на московском великокняжеском престоле... – писал С. М. Соловьев, – он первый получил название Грозного, потому что явился для князей и дружины монархом, требующим беспрекословного повиновения и строго карающим заслушание...»¹² После 1485 года Иван III называет себя «господарем всея Руси», а бояре именуют себя «холопами» великого князя¹³. Летописи больше не сообщают о совещаниях царя с боярами, подобных совещанию, которое имело место в 1471 году. На коронации Дмитрия-внука в 1497 году великого князя называют уже не иначе как «самодержцем», а на наследника престола возлагают «шапку Мономаха». Подобно византийскому императору (и турецкому султану) великий князь стремится выступать в роли самодержавного монарха¹⁴.

Самодержавная монархия претендовала на право регулирования отношений в рамках структуры «государство-народ-элита», исходя из принципа «справедливости». К моменту коронации был подготовлен регулирующий эти отношения Судебник 1497 года, а во время коронации митрополит и великий князь дважды обращались к наследнику, повторяя одну ту же фразу: «Люби правду и милость и суд правой и имей попечение от всего сердца о всем православном христианстве»¹⁵. Слово «правда» тогда и позже, вплоть до XIX века, понималось как «справедливость»¹⁶, и по мнению

Л. В. Черепнина, этим торжественным актом провозглашалось не более не менее, как начало правосудия на Руси¹⁷.

Как отмечает Ю. Г. Алексеев, «основная идея Судебника 1497 года – приоритет общего над частным, государственного интереса над партикулярным... Приоритет общего над частным, который квалифицируется некоторыми исследователями как показатель бесправия, есть на самом деле следствие и необходимое условие функционирования единого государства как целостного организма, призванного фактически обеспечить жизнь, имущество и интерес подданных этой всеземской общины. Не “закрепление сословий”, а регламентация их прав и обязанностей во имя общего интереса – в этом суть сословной политики Русского государства»¹⁸.

Существенно, что, регулируя отношения между крестьянами, вотчинниками и помещиками, Судебник гарантировал право крестьянского перехода, но ограничил его неделей до и неделей после «Юрьева дня», 26 ноября. По мнению Г. В. Вернадского, эта статья не ограничивала, а гарантировала свободу крестьян, сообразуясь с естественными условиями сельской экономики. Она предлагала для перехода самое удобное время: после сбора урожая крестьяне могли рассчитаться со своими долгами и перейти на другое место к началу сельскохозяйственных работ¹⁹.

В контексте демографической-структурной теории движение к самодержавию означало перераспределение ресурсов между государством и элитой в пользу государства, поэтому оно сопровождалось конфликтом великого князя с боярским окружением. Конфликт развивался постепенно, начиная с 1480-х годов, и подспудно тлел на протяжении второй половины правления Ивана III. В этот период не было многочисленных казней (был казнен лишь один боярин), но опалы были весьма многочисленны. Повидимому, одной из основных причин конфликта было запрещение боярам переходить на службу к другим князьям (то есть использовать ресурсы своей вотчины вопреки интересам великого князя). Всего за время правления Ивана III опале подверглись не менее восьми боярских родов. Из 19 боярских родов, известных в XIV веке, в 1525 году осталось только шесть, но в то же время боярское сословие было пополнено родственниками великого князя и князьями из Литвы, перешедшими на московскую службу – так что в 1525 году имелось в общей сложности 23 боярских рода²⁰.

Василий III (1505-1533) продолжал политику своего отца и пытался лишить знать ее привилегий. По восточному обычаю после смерти государя все жалованные грамоты должны подтверждаться его наследником²¹ – такой обычай существовал и на Руси. Василий III не подтвердил очень многие жалованные грамоты; после переписей Ивана III это был второй удар по вотчинным привилегиям; после этого податные иммунитеты сохранились лишь у сравнительно немногих монастырей, бояр и князей²². «В течение всего правления Василия III иммунитет, как правило, принуждался к уплате государственных налогов, а судебные иммунитеты ограничивались путем изъятия из вотчинной юрисдикции тяжб по вопросам душегубства и разбоя», – отмечает С. М. Каштанов²³.

При присоединении Пскова, Смоленска, Рязани Василий III следовал методу, опробованному при овладении Новгородом, – этот метод подразумевал конфискацию земель и выселение знати, а затем помещение московских дворян²⁴. Отбирая земли у бояр, царь ссылался на справедливость, он говорил, что было «насилые велико черным и мелким людям от посадников псковских и бояр»²⁵.

Василий III был самодержавным государем, недруги обвиняли его в том, что он решает дела «сам-третей у постели». Если Иван III, случалось, выслушивал от своих бояр «укоризные словеса», то его сын никакой «встречи» не терпел. Хотя в правление Василия III появляются первые упоминания о Боярской думе, в те времена она не была установившимся институтом: великий князь советовался с «ближними боярами», но лишь с теми, с кем он считал нужным советоваться по данному делу²⁶. По мнению Герберштейна, Василий III своей властью превосходил всех монархов в мире. Всех одинаково гнетет он жестоким рабством, писал имперский посол: своих братьев, бояр и незнатных подданных, он может присвоить себе имущество любого из них. «Он применяет свою власть к духовным так же, как и к мирянам, распоряжаясь беспрепятственно и по своей воле жизнью и имуществом всех; из советников, которых он имеет, ни один не пользуется таким значением, чтобы осмелиться разногласить с ним... Они открыто заявляют, что воля государя есть воля божия и, что ни сделает государь, он делает по воле божией»²⁷.

Таким образом, в период становления Московского царства мы видим тенденцию к укреплению самодержавной власти, к созданию *этатистской монархии*. Происходит частичная конфискация земельной собственности бояр, в других случаях частные владения огосударствуются путем обременения их военной службой. Мы наблюдаем, как монархия формирует новую элиту, регулируя положение ее фракций. Важность этой формирующей и главенствующей роли государства в свое время подчеркивал А.В. Романовский-Славатинский, видевший именно в этом «радикальное и основное» отличие российского дворянства от европейской аристократии²⁸. Как признает большинство исследователей, отмечает Н. Коллман, для западной монархии была характерна полная зависимость короля от элиты, а для Московского царства – автократия, не делящаяся своей властью ни с какими социальными группами²⁹.

Характерно, что эта автократия регулирует отношения внутри общества, прибегая к не знакомым на Западе бюрократическим методам – к переписям, земельным кадастрам и обязательным для всего населения законодательным кодексам. Как известно (если не считать «Книгу страшного суда»), переписи и кадастры появились в Европе только в конце XVIII века³⁰.

Как отмечалось выше, в рамках демографически-структурной теории процесс формирования нового Российского государства рассматривается как процесс формирования новой структуры «государство-элита-народ». Конкретной формой этого процесса стало создание поместной системы и огосударствление вотчин, таким образом, государство, с одной стороны,

создавало новую, тесно связанную с ним элиту (поместное дворянство), а с другой стороны пыталось подчинить и инкорпорировать в состав государственных институтов старую элиту, сначала мелких, а затем и крупных вотчинников. Это огосударствление сопровождалось резким перераспределением ресурсов в пользу государства и выдвиганием государства на первое место в структуре «государство-элита-народ», что и означало создание этатистской монархии.

При всей значимости происходившей трансформации, огосударствление вотчин не означало поглощения элиты государством. Вотчины продолжали наследоваться, и элита сохраняла определенную самостоятельность. Но с другой стороны, рядом со старой элитой возникает новое сословие, поместье дворянство, которое по форме является «служилым» – то есть составляет часть государства, но в реальности со временем приближается по своему положению к низшим слоям элиты, детям боярским.

Вопрос о факторах, обусловивших формирование российского самодержавного государства, является чрезвычайно важным, но сравнительно малоизученным³¹. Он имеет значение для нашего исследования, главным образом, в связи с тем обстоятельством, что, как отмечалось выше, рождение этатистской монархии является одним из часто наблюдаемых исходов последней фазы демографического цикла. Согласно неомальтузианской теории, восстания и революции, вызванные перенаселением и голодом, часто порождают диктатуру, осуществляющую перераспределение имуществ, прежде всего земли (см. п. 1.1.2).

Действительно, в период кризиса 1420-х годов мы наблюдаем острые социальные конфликты в Новгороде, восстания «черни» против бояр и разграбление боярских дворов³². Этот конфликт не привел к возникновению диктатуры, но он сохранился до 1470-х годов и был использован Иваном III во время присоединения Новгорода³³. Однако основное направление социально-политического развития определялось не новгородским конфликтом, а обстановкой в центральных областях Московского государства. Что же касается собственно Московского княжества, то мы не видим здесь острых социальных конфликтов и выраженной борьбы за землю – прежде всего потому, что в центральных областях еще сохранялись свободные земли; таким образом, демографический фактор не мог стать причиной рождения московского самодержавия.

Историки евразийской школы, Г. В. Вернадский, Ч. Гальперин, Ю. Паленский полагают, что самодержавие на Русь принесли монголы³⁴. «Москва обязана своим величием ханам», – сказал в свое время Н. М. Карамзин. Однако вместе с тем евразийцы отмечают странный парадокс русской истории: «Влияние монгольской модели на Русь дало свой полный эффект только после освобождения Руси от монголов», – пишет Г. В. Вернадский. Вернадский называет этот парадокс «эффектом отложенного действия» и объясняет его тем обстоятельством, что после падения Золотой Орды на службу московскому князю перешли «сонмы татар»³⁵. Это объяснение подвергается критике со стороны ряда исследователей³⁶.

Вместе с тем существует мнение, что в рождении российского самодержавия большую роль сыграло влияние Османской империи. На это влияние, в частности, указывали Г. В. Вернадский и Р. Г. Виппер³⁷. Мы обсудим этот вопрос подробнее в пункте 2.2.4.

Подводя итоги, можно кратко охарактеризовать новую структуру «государство-элита-народ», сложившуюся в общих чертах в правление Ивана III. Это, прежде всего, специфическая форма государства – самодержавная монархия, которая подчиняет себе другие элементы структуры. Этатистский характер этой монархии проявляется в установлении государственной собственности на землю, в принципе обязательной и безусловной службы вотчинников и в регулировании государством отношений внутри структуры путем переписей и законодательных кодексов.

Элита – другой элемент структуры – носит гетерогенный характер. Новый слой элиты – помещики – полностью подчинен государству, и его отношения с крестьянством регулируются переписями и Судебником. Низшие слои старой элиты – мелкие вотчинники, дети боярские – так же как и помещики, обязаны исполнять личную службу, но в отношениях с крестьянами ограничены лишь Судебником, то есть устанавливают ренту по соглашению с ними. Высшие слои старой элиты – бояре и князья – хотя и обязаны поставлять воинов, но размеры этой службы реально еще не регламентированы. Старая знать сохраняла определенную самостоятельность и враждебно относилась к наступлению самодержавия (см. ниже. п. 2.2.2).

Народ – третий элемент структуры – это, в основном, свободное крестьянство. Повинности крестьян на помещичьих землях регулируются государством, а на вотчинных – общеэкономическими законами спроса и предложения рабочей силы. Крестьяне правоспособны и обеспечены судебной защитой³⁸. Что касается уровня ренты и государственных налогов, то в конце XV века этот уровень был относительно невысоким (см. ниже. п. 2.1.2).

2.1.2. Начало демографического цикла: период восстановления

В контексте демографически-структурной теории нам предстоит далее перейти к рассмотрению процесса влияния демографического фактора на динамику новой структуры «государство-элита-народ». В соответствии с обычным неомальтузианским подходом необходимо, в первую очередь, рассмотреть динамику численности населения, ценной заработной платы.

Кризис XV века привел к значительному уменьшению численности населения, и на Руси создалась ситуация, характерная для начальной фазы нового демографического цикла: малая плотность населения, изобилие свободных земель, высокая реальная заработная плата, относительно низкая рента. Приезжавшие в Россию иностранцы писали о больших лесах и изобилии хлеба. «Вокруг города (Москвы – С. Н.) большие леса, их ведь вообще очень много в этой стране, – отмечал Амброджо Контарини. – Край чрезвычайно богат всякими хлебными злаками»³⁹. «Значительную часть Московии занимает Герцинский лес, – записал Паоло Джовио со слов русских послов, – но он там и сям заселен, и повсюду в нем располо-

жены строения. Вообще, от продолжительной работы людей он стал уже гораздо реже...»⁴⁰. Московский посол, повидавший многое грек Георгий Перкамото, рассказывал в 1486 году в Милане, что «в этой стране есть громадное количество крупного и мелкого скота... что у них есть громадное количество зерна, так что в ряде мест из-за излишнего количества его собраны удивительные и поражающие запасы... особенно в тех местах, которые удалены от моря, так как там нет никого, кто бы мог взять его и отправить в другое место»⁴¹.

Как отмечалось выше, одним из признаков периода восстановления является относительно высокая реальная заработная плата. В 1520-х годах неквалифицированный поденщик в Москве получал 1,5 деньги в день⁴², в переводе на рожь это составляет 9,6 кг зерна⁴³ – это примерно соответствует уровню оплаты работников в Германии в 1490-1510 годах, то есть высокому уровню заработной платы в начале второго европейского демографического цикла⁴⁴.

Относительно размеров ренты известно, что нормой крестьянского участка в центральных областях в начале столетия считалась выть – 15 десятин; с этого надела крестьянин должен был платить оброк или нести барщину: обрабатывать одну десятину под озимые и одну под яровые – то есть в пользу вотчинника шла 1/6 урожая⁴⁵. Земли у крестьян было достаточно; с учетом барщинных полей на двор полагалось 18 десятин – это был большой надел; по новгородским данным, такие наделы обрабатывали неразделенные семьи в 7-8 человек с двумя взрослыми мужчинами и с 2-3 лошадьми⁴⁶; надо полагать, что и в центральных районах преобладали большие семьи. При урожайности ржи сам-3,3 и овса сам-3,1⁴⁷ выть давала 200-210 пудов хлеба; при дворе в 8 человек получалось около 26 пудов на человека. Считается, что душевой минимум потребления зерна в пищу составляет примерно 15 пудов, если зерно расходуется также на корм скоту, то потребление увеличивается до 18 пудов (но в те времена крестьяне не испытывали недостатка в пастбищах и в сене)⁴⁸. Если учесть, что крестьянское хозяйство имело доходы не только от земледелия, но также от животноводства и лесных промыслов, то следует сделать вывод, что уровень потребления крестьян в начале XVI века был относительно высоким.

Необходимо отметить, что поместная система строго фиксировала размеры крестьянской ренты помещикам, причем, как показывает, например, Торопецкая переписная книга 1540 года, оброки были расписаны до мельчайших деталей⁴⁹. Государственные налоги были невелики и составляли в этот период лишь 2,5-3% дохода крестьянина; главным из этих налогов была «дань»⁵⁰. Однако существовали еще государственные отработочные повинности, такие, как ямская гоньба, «городовое дело» (отработка на строительстве укреплений) и «посоха» (выставление воинов с «сох»). Ямская гоньба в начале XVI века была частично переведена на деньги, но в целом государство сохраняло натуральный характер и требовало от населения отработки, стоимость которых трудно поддается оценке⁵¹.

С. М. Соловьев отмечал, что для московских земель правление Ивана III «было самым спокойным, самым счастливым временем»⁵². Голод и мор, татарские нападения – все это на время ушло в прошлое. В актах, оставшихся от этого периода, встречаются многочисленные указания на распашку пустошей, на рост площадей под сельскохозяйственными культурами⁵³. При Иване III в Новгородской земле было проведено две переписи, одна в 1480-х годах, другая – около 1500 года. За время, прошедшее между этими переписями, население увеличилось на 14%, то есть рост был довольно быстрым – порядка 1% в год⁵⁴. Для центральных районов нет статистических данных о росте населения, но имеются примеры, указывающие на рост числа дворов в отдельных волостках или имениях в 1,5, в 2, в 3 раза. Обобщая эти материалы, А. И. Копанев пришел к выводу, что за первую половину XVI века население России увеличилось в 1,5 раза и достигло 9-10 млн.⁵⁵ Другие авторы дают более низкие оценки для абсолютной численности населения в этот период, но все исследователи соглашаются с тем, что рост был очень значительным⁵⁶.

Таким образом, имеющиеся данные об уровне потребления, размерах крестьянских наделов и относительно быстром росте населения в контексте неомальтузианской теории позволяют охарактеризовать период конца XV-начала XVI века как *период восстановления*.

2.1.3. Повышение демографического давления. Порайонные различия

В соответствии с неомальтузианской теорией, процессом, определяющим социально-экономическое развитие России, был *рост населения*. С ростом населения леса уступали место пашне. Сигизмунд Герберштейн, побывавший в России в 1526 году, писал о лесах уже в прошедшем времени: «По пням больших деревьев, существующих еще и поныне, видно, что вся страна еще не так давно была очень лесистой ...» Теперь же, отмечал Герберштейн, «она достаточно возделана усердием и трудами земледельцев»⁵⁷. Ричард Ченслор свидетельствует, что в 1550-х годах область между Москвой и Ярославлем «изобиловала маленькими деревушками, которые так полны народом, что удивительно смотреть на них. Земля вся хорошо засеяна хлебом...»⁵⁸

Наиболее плотно заселенными районами были земли вокруг Новгорода и Пскова. В некоторых районах Новгородчины уже ощущался недостаток земли, так, за время между двумя переписями в Деревской пятине население возросло на 16%, а пашня – только на 6%. В этом районе на крестьянское хозяйство приходилось в среднем лишь 2,3 десятины в одном поле, вдвое меньше, чем в соседней Шелонской пятине. Опережающий рост населения привел к росту цен на рожь, они увеличились с 14 до 20 московских денег за коробью (7-8 пудов)⁵⁹.

Археологи свидетельствуют, что плотность поселений в Деревской пятине (в долине р. Ловать) в этот период была выше, чем когда-либо в прошлом, что стали распахиваться неиспользуемые ранее глинистые почвы⁶⁰. Начинается массовое применение удобрений; это свидетельствует об

окончательном формировании трехпольной системы земледелия (в прежние времена переход к трехполью без удобрений приводил к быстрому «выпахиванию» земель). Известно, что переложная система требовала объединения усилий для сведения леса и долгое время способствовала сохранению большой семьи. С окончательным переходом к трехполью большая семья распадается на малые семьи. Для некоторых районов новгородчины сохранились статистические данные, свидетельствующие о процессе распада больших семей, так в Старорусском уезде в 1498 году на двор приходилось в среднем 1,6 семьи, а в 1539 году – 1,28 семьи⁶¹.

До присоединения к Москве новгородчина была краем крупного землевладения, где крестьяне были обременены тяжелыми оброками (половники платили до половины урожая). После присоединения на землях, отписанных на государя, оброки переводились на деньги и значительно уменьшались, но на землях, переданных помещикам, повинности почти не менялись – иногда даже немного возрастали⁶². Таким образом, положение крестьян на Северо-Западе значительно отличалось от положения в центральных областях, где, как отмечалось выше, обычная рента составляла шестую часть урожая. Это отличие было следствием исторической традиции, сложившейся в перенаселенном регионе, но также и следствием того, что после конфискации Ивана III государство использовало Новгородчину как основной источник своих ресурсов – именно здесь располагался основной массив дворцовых и поместных земель.

В табл. 1.1 представлены данные о доходах крестьян, оброках и налогах в Деревской и Водской пятинах.

годы	Деревская пятина		Водская пятина	
	1500	1540	1500	1540
Пашня на двор (с паром, дес.)	6,7	7,8	11,4	11,7
Душ на двор	5,2	5	6	5,3
Пашня на душу (дес.)	1,3	1,6	1,9	2,2
Урожайность ржи (в самах)	3,1-3,9	3,1-3,9	3,1-3,9	3,1-3,9
Урожай за вычетом семян (пудов)	88,4-110,5	103-117	150,5-171	154,4-175
Урожай на душу (пудов)	17,0-19,3	20,6-23,4	25,1-28,5	29,1-33,1
Оброк со двора (пудов)	32,6-33,6	38,0-39,2	75,2-77,5	64,6-66,6
Налоги со двора (пудов)	5,1	6,6	6,6	6,2
Потребление (пудов)	50,7-61,8	58,4-71,2	68,7-86,9	83,4-102,7
Оброк на душу (пудов)	6,3-6,5	7,6-7,8	12,5-12,9	12,2-12,6
Налоги на душу (пудов)	1,0	1,3	1,1	1,2
Потребление на душу (пудов)	9,8-11,9	11,7-14,2	11,4-14,5	15,8-19,4

Табл. 1.1. Зерновой бюджет крестьянского хозяйства на поместных землях новгородчины. Оброк, налоги и потребление указаны в пудах хлеба (полпуда ржи и полпуда овса).

Эта таблица представляет несколько видоизмененный вариант таблицы 60 из: Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Север. Псков. Общие итоги развития Северо-Запада. Л. 1978. Авторы этой работы подвергались критике⁶³ за то, что брали в своих расчетах слишком большую урожайность: сам-4 (фактически сам-3,9) для ржи и сам-3 для овса. В соответствии с данными Е. И. Индовой⁶⁴ в 1650-1700 годах урожайность ржи была в среднем сам-3,1, урожайность овса сам-3. В нашей таблице урожайность ржи варьируется в пределах от сам-3,1 до сам-3,9, а урожайности овса взята сам-3. Нужно заметить также, что по расчетам Л. Г. Степановой⁶⁵, основанных на случаях перевода издоля в фиксированный оброк, урожайность составляла всего лишь сам-2. Однако эти расчеты вызывают сомнения, поскольку неясно, насколько данный перевод был эквивалентным, не произошло ли при этом снижение оброка. Кроме того, простой расчет показывает, что при такой урожайности сбор хлебов не хватало бы даже на уплату оброков и налогов.

Хотя в целом душевое производство обеспечивало необходимый минимум потребления, после уплаты оброков в Водской и, в особенности, в Деревской пятине душевое потребление падало ниже минимального уровня. В соответствии с неомальгузианской теорией следствием уменьшения потребления ниже допустимого минимума было уменьшение численности населения, с 1500 по 1540 год оно уменьшилось в Водской пятине на 17%, а в Деревской пятине – на 13%⁶⁶. Уменьшение населения к 1540 году привело к увеличению душевой запашки и некоторому увеличению потребления, но оно оставалось на уровне, близком к минимальному. Низкий уровень потребления способствовал увеличению смертности от эпидемий – источники отмечают, что именно в этом районе эпидемии свирепствовали с особой жестокостью⁶⁷.

Таким образом, в отдельных, наиболее густонаселенных районах Сжатие началось уже в начале XV века, и этот процесс был существенно ускорен высоким уровнем изъятия ресурсов, осуществляемым государством и помещиками. В то же время даже в пределах Северо-Запада имелись существенные порайонные различия. В Бежецкой и Шелонской пятинах положение было более благоприятным, чем в Деревской и Водской. В 1500-1540 годах здесь отмечался значительный рост населения – в некоторых уездах население возросло на 27-45%⁶⁸. Сжатие было неравномерным и проявлялось в одних районах сильнее, а в других – слабее.

Исследование вопроса о положении крестьян в Центральном районе затрудняется недостатком источников. Однако и здесь рост населения привел к уменьшению крестьянских наделов. С. Б. Веселовский отмечал быстрый рост цен на землю в первой трети XVI века и увеличение числа земельных тяжб⁶⁹. В середине XVI века появляются упоминания о случаях, когда на вытном наделе сидят два или даже три двора⁷⁰. В этот период в Борисовской волости на владимирщине на двор приходилось 7,5 десятин⁷¹; если считать в семье 5 человек, то душевая обеспеченность составляла всего 1,5 десятины – меньше, чем в Деревской пятине. Отмечалась нехватка земли в Белозерском крае – здесь у крестьян было лишь по 2 десятины в одном поле, и зерна не хватало до следующего урожая⁷². Но в некоторых уездах положение было более благополучным, например, на черных землях Тверского уезда на двор приходилось 12,5 десятины, на монастырских

землях в Дмитровском уезде – 12,7 десятины (в последнем случае большая величина надела, по-видимому, объяснялась очень плохими почвенными условиями)⁷³.

Согласно теории, одним из следствий перенаселения является оскудение крестьян и *развитие ростовщичества*. На Руси в этот период в качестве главных ростовщиков, крупных землевладельцев и «поглотителей земли» выступали монастыри. Они столь активно затягивали крестьян в ростовщические сети, что, к примеру, в районе «колонизации» Кирилло-Белозерского монастыря практически не осталось «черных» крестьянских земель. Из кругов «нестяжателей» раздавались многочисленные обвинения в адрес монастырей⁷⁴. Вассиан Патрикеев писал о том, что недостойно монахам «села многонародно стяжати и поработчати христиан», «лихву на лихву на них налагать». Когда крестьяне не могут отдать лихвы, писал Вассиан, монахи, «коровку их и лошадку отъмше», изгоняли крестьян из их дворов⁷⁵. Максим Грек негодовал о том, что монахи крестьян «бичи истязуют за лютых сребра резоиманий», обращают их в своих холопов⁷⁶. На Белоозере, где земли не хватало, происходили многочисленные столкновения между крестьянами и монахами; в 1550 году одно из таких столкновений привело к разорению Адриановой пустыни и гибели 42 монахов. Характерно, однако, что в сети ростовщиков попадали не только крестьяне, но и «дети боярские», бояре и даже князья. К концу XV века Кирилло-Белозерский монастырь забрал в свои руки все расположенные в округе мелкие вотчины⁷⁷. В Звенигородском уезде на долю монастырей и церковей приходилось 45% всех земель, в Тверском уезде – 33%. В середине XVI века, по свидетельству Адама Клементского, духовенству принадлежала треть населенных земель⁷⁸.

Таким образом, имеющиеся данные о динамике потребления в первой половине XVI века, в целом, соответствуют прогнозам демографической структурной теории: по мере роста численности населения мы наблюдаем уменьшение крестьянских наделов, оскудение крестьян и рост их задолженности, проявляющийся в развитии ростовщичества. Эти процессы происходили неравномерно и были более выраженными на Северо-Западе, в Новгородской земле. При этом существенное значение имело перераспределение ресурсов в рамках структуры «государство-элита-народ»: Сжатие на Новгородчине было ускорено высоким, по сравнению с центральными областями, уровнем ренты, что было, в свою очередь, связано с тем, что именно Новгородчина была регионом наибольшего распространения местного землевладения и, в военном смысле, опорой государства.

2.2. Фаза Сжатия

2.2.1. Начало Сжатия

В соответствии с неомальтузианской теорией рост численности населения должен был постепенно привести к недостатку пахотных земель, росту цен, падению потребления и частым голодным годам.

Как отмечалось выше, Сжатие на Северо-Западе началось еще в начале XVI века, но в Центральном районе этот процесс стал проявляться значительно позже – примерно в 1540-х годах. В начале столетия голодовки были относительно редкими: после длительного благополучного периода летопись впервые говорит о голоде в 1511/1512; затем голод повторился в 1526 году, когда цены возросли в 7-10 раз⁷⁹. 1521 год был отмечен бедствием другого рода – «великим приходом» крымских татар, разоривших южные области страны. Однако годы голода и набегов были исключениями на общем фоне, в целом экономическое положение оставалось благоприятным. До 1530-х годов цены оставались, в общем, стабильными – около 20 денег за коробью ржи (10 денег за 4-пудовую четверть)⁸⁰. «Времена тиха и прохладна и обилие велие изобилованна бысть», – говорит новгородская летопись об этом десятилетии⁸¹. Впоследствии цены снова стали расти, в 1532 году цена в Иосифо-Волоколамском монастыре составляла 22 деньги за четверть; во время неурожая 1543-1544 годов цены на новгородчине поднялись до 35-40 денег⁸². Некоторые авторы прямо объясняют рост цен ростом населения⁸³ – в соответствии с мальтузианской теорией.

В середине XVI века голод становится обычным явлением. В 1548-1549 годах голод охватил северные районы страны: «Хлеб был дорог на Двине, на Холмогорах, четверть купили по осьми гривен, и людей с голоду мерло много», – отмечает летописец⁸⁴. В 1552 году разразилась страшная эпидемия в Новгороде и Пскове; в Пскове погибло 30 тысяч человек. В 1556/57 году снова пришел голод, свирепствовавший в Заволжье и на Севере; в результате голода и бегства крестьян на юг в северных областях началось запустение; в конце 50-х годов на Двине пустовало 40% пашни⁸⁵. Е. И. Колычева описывает положение как «крайне неустойчивое равновесие с наметившимися признаками запустения посевных площадей и убылью населения из-за неурожая, эпидемий»⁸⁶. Как утверждает неомальтузианская теория, для периода Сжатия характерно именно такое неустойчивое экологическое равновесие, и его причина – отсутствие у крестьян значительных запасов зерна. А. Л. Шапиро утверждал, что уже в первой половине XVI века «запас прочности у крестьянских хозяйств был *невысок*»⁸⁷.

Таким образом, симптомы надвигающегося кризиса появились задолго до Ливонской войны. Россия не представляла собой экономического единства, в ней были относительно богатые и относительно бедные, перенаселенные области. Север и Новгородчина издавна относились к бедным областям. Нехватка земли заставляла крестьян этих районов распахивать неплодородные почвы: «Земля худа, камениста, песчата...» – так описывалась недавно поднятая целина в переписной книге Бежецкой пятины 1551 года⁸⁸. В центральных районах положение было более благоприятным, в Замосковном крае до 1560 года еще продолжался рост населения, но все удобные земли к этому времени были уже распаханы. «Если в начале XVI в. на периферии старых владений еще есть резерв годных к освоению земель, – отмечает Л. И. Ивина, – то к середине XVI века он полностью исчерпывается, как, например, во владениях Троице-Сергиева монастыря

близ Углича... Плотность поселений внутри владений возрастает... Увеличиваются сами поселения, многие деревни превращаются в сельца и села»⁸⁹. В 1560-1561 годах в Замосковский край пришел голод, цены на хлеб поднялись до 50-60 денег за четь. Характерно, что в качестве причины этого бедствия старцы Иосифо-Волоколамского монастыря указали на недостаток угодий и на рост государевых повинностей⁹⁰.

В середине XVI века проблема нехватки земельных ресурсов встала во весь рост. Специалисты утверждают, что уровень распашек в это время был близок к максимально возможному при тогдашней агротехнике, что дальнейшее расширение пашен было невозможно⁹¹. Скудные почвы и суровый климат ограничивали емкость экологической ниши, и, казалось бы, обширные пространства Московии в действительности не могли прокормить растущее население. В то же время *Сжатие было крайне неравномерным и проявлялось с большей силой на Северо-Западе* – там, где экологическая ниша дополнительно сужалась более интенсивным перераспределением доходов в пользу государства и дворянства.

В современной экономической истории соотношение между численностью населения и наличными ресурсами характеризуется заработной платой, исчисленной в килограммах зерна. Около 1520 года поденщик в Москве мог купить на дневную плату около 10 кг хлеба. В 1568 году поденщик на Белоозере получал 1 деньгу в день, а четверть ржи стоила 20 денег⁹², на дневную зарплату можно было купить 3,6 кг хлеба*. Таким образом, реальная заработная плата за полвека уменьшилась втрое, что свидетельствует о росте населения и нехватке продовольственных ресурсов. Дневная плата в 3,6 кг кажется довольно большой, но нужно учесть, что поденщиков брали на короткие сроки, что большую часть года они не имели работы (в конце XIX века оплата при поденном найме летом в 3 раза превосходила дневную оплату при годовом найме). В действительности уровень дневной оплаты порядка 4 кг – это был уровень, характерный для времен кризиса и голода, именно таким был уровень оплаты в Европе во времена «кризиса XVII века»⁹³.

Правда, в нашем распоряжении имеются лишь единичные данные о поденном найме; гораздо больше информации имеется об условиях годового найма монастырских работников. Монастыри привлекали для обработки своей пашни наемных «казаков» или «детеньшей»; эти работники получали от монастыря продукты (4 четверти хлеба в год) и денежное содержание, «оброк». В 1547 г. плотники в Новгородском Софийском доме и Иосифо-Волоколамском монастыре получали по 100 денег в год, а простые чернорабочие в Волоколамске – 80 денег в год, и их дневная зарплата в деньгах и продуктах была эквивалентна лишь 1,2 кг хлеба. Впоследствии мы видим столь низкий уровень зарплат лишь один раз, во время сильно-

* Здесь и далее исчисление ведется в пудах «хлеба»: четверть ржи (4 пуда) плюс четверть овса (2,7 пуда) составляют «юфть» – 6,7 пуда «хлеба». Четверть овса обычно стоила в 2 раза дешевле, поэтому цена пуда «хлеба» составляла 9/10 от цены пуда ржи.

го голода 1588-89 годов – однако тогда этот голодный уровень держался лишь один год, а в 50-х годах это была обычная плата⁹⁴. Таким образом, уровень жизни в 50-х годах был примерно таким же, как в голодные годы. Отсюда можно сделать вывод, что, в соответствии с прогнозом демографически-структурной теории, уровень реальной заработной платы в середине XVI века понизился до минимума.

Неомальтузианская теория утверждает, что одним из главных следствий перенаселения является развитие деревенского ремесла, переселение крестьян в города и рост городов. Эти процессы действительно наблюдались в XVI веке в отдельных наиболее густонаселенных районах России. Перенаселенные Деревская и Водская пятины Новгородчины не могли обеспечить себя хлебом, и многие крестьяне пытались заработать на жизнь ремеслом и торговлей; здесь было много торгово-ремесленных поселений, «рядков»⁹⁵. Промыслы были развиты и в других районах Северо-Запада: железо производили в Орешке, Тихвине, в Заонежье, соль выпаривали в Старой Русе, в Поморье. Многие крестьяне занимались выращиванием льна и выделкой льняных тканей; некоторые в поисках заработка уходили в Новгород. По сравнению с Москвой, где большую часть населения составляли дворяне и их слуги, Новгород был городом ремесленников и купцов. В начале XVI века в Новгороде было 5,5 тыс. дворов и примерно 30 тысяч жителей, из них около 6 тысяч ремесленников – практически все взрослое мужское население состояло из ремесленников⁹⁶. По некоторым данным, Псков по размерам не уступал Новгороду, в нем насчитывалось более 6 тысяч дворов и 30 тысяч жителей⁹⁷. В то же время нужно отметить, что население Новгорода (и возможно, Пскова) в первой половине XVI века не увеличилось; в городах новгородчины уже тогда проживало 10% населения⁹⁸ – для аграрного общества это цифра, близкая к максимальной; окрестные области не могли прокормить такой большой город. Как центры перенаселенного района, Новгород и Псков были часто подвержены эпидемиям – при Василии III летописи по крайней мере 4 раза отмечают здесь мор, в то время как в центральных районах эпидемии не упоминаются⁹⁹. В 1552/53 годах по, несомненно, сильно преувеличенным сведениям летописи в Новгороде умерло от мора 280 тысяч человек¹⁰⁰.

В центральных районах ремесла были развиты меньше, чем на Северо-Западе. Крупнейшим городом России была Москва. Великие князья придавали стольному городу первостепенное значение и переселяли в столицу часть населения завоеванных городов¹⁰¹. Сигизмунд Герберштейн сообщает, что по официальным данным в 1520 году в Москве было 41,5 тысячи дворов¹⁰². Если считать по 5 человек на двор, то получится примерно 200 тысяч жителей, однако современные историки считают цифру Герберштейна завышенной и полагают, что население Москвы не превышало 100 тысяч¹⁰³. В Москве существовало много ремесленных слобод – Кожевники, Гончарная, Бронная; здесь был расположен Пушечный двор и работало много оружейников, производивших разнообразное воинское снаряже-

ние¹⁰⁴. В целом, однако, о московском ремесле известно гораздо меньше, чем о ремесле Новгорода.

Другие города Руси много уступали в размерах не только Москве, но и Новгороду. В Нижнем Новгороде в конце XVI столетия насчитывалось около 2 тысяч дворов; это был центр торговли по волжскому пути; при Василии III здесь был построен каменный кремль. В Можайске и Старой Руссе было по 1,5 тысячи дворов и 7-8 тысяч жителей. Владимир, Суздаль, Тверь потеряли свое былое значение. Правда, появилось много новых небольших городов – в их числе Руза, Радонеж, Боровск, Серпухов, Кашира; общее число городов увеличилось за полвека с 96 до 160¹⁰⁵.

В целом, можно сделать вывод, что имеющиеся данные о ценах и реальной заработной плате соответствуют теоретической динамике развития в период Сжатия. Эти данные показывают, что Сжатие, начавшееся в начале столетия на Северо-Западе, в середине столетия распространилось на центральные области. В соответствии с неомальтузианской теорией Сжатие вызвало развитие городов и ремесел, причем этот процесс в наибольшей степени затронул район раннего Сжатия – Северо-Запад, где сформировались большие ремесленные города. Для характеристики степени перенаселения Северо-Запада существенно, что рост этих городов к середине XVI века уже прекратился, а их население все чаще становилось жертвой голода и жестоких эпидемий.

2.2.2. Динамика элиты

Как отмечалось выше, демографически-структурная теория изучает отдельно (и вместе с тем во взаимной связи) динамику населения, динамику элиты и динамику государства. Изучение динамики элиты предполагает рассмотрение материального и правового положения элитных групп, в частности, в отношении перераспределения ресурсов, исследование динамики их численности и доходов. Согласно теории, рост численности элиты должен был привести к дроблению поместий, ухудшению положения низших групп элиты, что вызывало усиление давления элиты на народ и государство, а также фрагментацию элиты и конфликты между различными элитными группами.

В первой половине XVI века великие князья стремились увеличить контингенты поместной конницы, и численность дворянства быстро росла. Однако в нашем распоряжении нет цифр, которые бы достоверно отражали численность дворянского сословия. Известно лишь, что в 1520-х годах на Оке ежегодно несло сторожевую службу 20-тысячное дворянское ополчение¹⁰⁶; отсюда можно предположить, что число дворян и детей боярских в это время было не менее 20 тысяч.

На Новгородчине, которая являлась главным районом поместного землевладения, ресурсы годных для поместных раздач земель были полностью исчерпаны. В 1500 году в Шелонской пятине поместные земли занимали 58% пашни, а в 1540 году – 98%; в Бежецкой пятине в 1544 году под поместья было занято 99% пригодных земель¹⁰⁷. Вследствие нехватки зем-

ли поместья мельчали. Если в 1500 году только 22% новгородских помещиков имели земли меньше 150 десятин, то в 1540 году – 39%; доля владельцев поместий свыше 300 дес. уменьшилась с 48% до 22%¹⁰⁸. Таким образом (в соответствии с прогнозом демографически-структурной теории) по мере численного роста элиты положение ее рядовых членов ухудшалось.

В центральных уездах большая часть земель принадлежала боярам и церкви, и это препятствовало распространению поместного землевладения. Как показывают данные по Тверскому уезду, вотчинникам (преимущественно боярам) принадлежало 36% земель, церкви – 33%, а помещикам – только 27%. При этом бояре получали также и земли, предназначенные для поместной раздачи – причем забирали лучшие угодья сверх всяких норм¹⁰⁹.

Демографически-структурная теория утверждает, что рост численности элиты вызывает ее фракционирование и борьбу между различными фракциями. В российской элите XVI века имелось несколько фракций, причем наиболее высокое положение занимала старинная знать, удельные и служилые князья и бояре. Новая элитная группа, дворянство, занимала более низкое положение.

Первое место среди московской знати занимали удельные князья, родственники великого князя. Василий II, Иван III, Василий III прилагали много сил, чтобы ликвидировать уделы, но перед смертью они раздавали новые уделы своим младшим сыновьям – и удельная система вновь возрождалась. После побед Ивана III над Литвой в число удельных князей вошли бывшие русско-литовские князья, перешедшие на московскую службу и сохранившие свои владения: князья Воротынские, Одоевские, Трубецкие. Удельные князья полновластно распоряжались в своих уделах, имели своих бояр и свое войско; к примеру, у князей Воротынских было несколько тысяч «боевых холопов»¹¹⁰.

Второе место в иерархии знатности занимали служилые князья, в их числе было много потомков владими́ро-суздальских великих князей. В свое время эти князья добровольно подчинились Москве, и многие из них остались в своих городах на положении наместников. К XVI веку потомство Всеволода Большое Гнездо необычайно размножилось и насчитывало около двухсот князей, одних ярославских князей было больше восьмидесяти, и некоторые из них по своему положению были близки к удельным князьям. С давних времен служилые князья в силу тарханских грамот освобождались от всех налогов; Иван III пытался ликвидировать эти тарханы, но некоторые князья все-таки сохранили свои привилегии. «Княжата» закрепили за собой наместничьи должности и заправляли в городах, как в своих вотчинах. В отличие от волостелей, назначавшихся на год-другой, срок их кормлений был неопределенным; фактически кормления были пожизненными. Размеры наместнических кормов постоянно росли; в Новгороде уже в начале XVI века наместничий корм был в два раза больше «обежной дани», основного государственного налога¹¹¹. Боярская дума по большей части состояла из этих князей-наместников; эти удельные «державцы» кичились своей знатностью и постоянно вступали в местнические

споры; по словам В. О. Ключевского, они намеревались, сидя в Боярской думе, править Русской землей, как некогда их отцы правили ею, сидя по уделам¹¹². Некоторые княжеские кланы настолько укоренились, что претендовали на наследственное думское представительство. Вдобавок, князья и бояре обладали старинным «правом отъезда» в другое княжество, правом службы другому князю без потери вотчин. В условиях единой Руси отъехать можно было только в Литву, и «право отъезда» было правом на государственную измену¹¹³.

Третью ступень по знатности занимало «старомосковское» боярство. Количество боярских родов в 1525-1555 годах увеличилось с 23 до 46, и это предопределило обострение конкуренции за придворные должности. Старинные бояре имели сотни слуг и большие вотчины; к примеру, лишь одна из вотчин И. П. Федорова на Белоозере насчитывала 120 деревень. Московские бояре традиционно занимали важные посты в системе управления. Как правило, посты дворецкого и конюшего занимали представители одних и тех же старомосковских фамилий Морозовых, Захарьиных, Челядиных¹¹⁴.

Таким образом, численность элиты росла, что, в соответствии с теорией, должно было усилить конкуренцию за ресурсы между знатью и государством. Наиболее сильное давление на государство оказывала старая знать, сила и влияние которой восходили еще к XIV-XV векам; эта знать опиралась на свои огромные вотчины и сопротивлялась стремлению самодержавия ущемить ее традиционные привилегии.

В год смерти Василия III наследнику престола Ивану IV было лишь три года, и фактической правительницей стала вдова великого князя Елена Глинская. Князья и бояре с трудом мирились с самодержавием Василия III; после его смерти начались измены и мятежи¹¹⁵. Елена Глинская пыталась продолжать самодержавную политику своего мужа, но в 1538 году она была отравлена боярами. К власти пришла боярская олигархия, господство которой оформилось как правление Боярской думы; решения думы стали равнозначны великокняжеским указам¹¹⁶. Однако боярское правление сопровождалось борьбой знатных родов, заговорами и дворцовыми переворотами. «Встала вражда, – говорит летописец, – между великого князя боярами... и многие были между вражды из-за корысти и за родственников: всякий о своих делах печется, а не о государских, не о мирских»¹¹⁷. «Бояре живут по своей воле, – говорил бежавший из России итальянский архитектор Петр Фрязин, – от них великое насилие, управы в земле никому нет, между боярами самими вражда, и уехал я от великого мятежа и безгосударства»¹¹⁸. «Великое насилие» заключалось в том, что бояре поделили между собой наместничества и стали требовать у населения «корма» сверх всяких норм. «Все расхитили коварным образом: говорили, будто детям боярским на жалование... – вспоминал Иван Грозный. – Потом напали на города и села, мучили различными жестокими способами жителей, без милости грабили их имущество...»¹¹⁹. Наместничьи суды превратились в орудие вымогательства: «От всех брали безмерную мзду и в

зависимости от нее и говорили так или иначе и делали»¹²⁰. В Пскове, например, наместник князь А. М. Шуйский поднимал старые дела и «правил на людях» по сто рублей и больше, мастеровые делали все для него даром, «большие люди» несли ему подарки¹²¹. «Бояре... вместо еже любити правду... в ненависть уклонишася», – говорит летопись¹²². В наделении воинов поместьями воцарился беспорядок; царь Иван писал, что в его «несовершенные лета» «бояре его и воеводы земли его государьские себе разоимали, и другом своим и племенником его государьские земли раздавали», в результате чего держат за собой «поместья и вотчины великие»¹²³. Документы свидетельствуют, что только в одной поместной раздаче 1539 года князь П. И. Шуйский присвоил земли на 2 тысячи десятин, его родственник А. Б. Горбатый – на 1,5 тысячи десятин – и было много других примеров такого рода¹²⁴. Нормы наделения землей воинов не соблюдались; царь писал, что у одних земли было больше положенного, а другие голодали¹²⁵. Не заботясь о простых воинах, боярское правительство щедрой рукой раздавало податные привилегии монастырям и знати. Запрет на передачу земли монастырям был забыт, монахи снова отнимали за долги земли у детей боярских и у крестьян¹²⁶. В 1540-х годах начинает чувствоваться недовольство дворян, направленное, прежде всего, против правящей боярской верхушки и монастырей. Земельные споры помещиков с монастырями стали обычным явлением¹²⁷.

Таким образом, в соответствии с теорией, Сжатие сопровождалось ростом численности элиты и ухудшением ее положения. Этот процесс привел к фрагментации элиты, к выделению отдельных групп и к конфронтации между этими группами. С другой стороны, также в соответствии с теорией, Сжатие привело к обострению борьбы между элитой и государством за перераспределение доходов. После смерти Василия III аристократия начала наступление на государство и в 1538 году добилась победы, установив боярское правление. За этим последовали перераспределение ресурсов в пользу аристократии и столкновения между конкурирующими группами по поводу раздела доходов. Низшие слои элиты при этом ничего не приобрели и даже потеряли в результате захвата боярами части поместных земель. В итоге, наметилась основная линия раскола элиты – конфронтация между боярами и дворянством.

Аристократия воспользовалась ситуацией также и для усиления давления на народ, в частности, на горожан. Для этого была использована (формально государственная) система наместнических кормлений, которая превратилась в механизм перераспределения доходов в пользу элиты. Другим механизмом такого рода стала пораженная коррупцией судебная система. Ответом народа на давление со стороны аристократии стало восстание 1547 года.

2.2.3. Государственный кризис и проекты реформ

Неомальтузианская теория утверждает, что для фазы Сжатия характерны народные восстания и попытки социальных реформ. В этом контексте

большое значение имеет анализ событий, связанных с восстанием 1547 года и появившимися после восстания реформаторскими проектами.

Перераспределение ресурсов в пользу аристократии привело к ослаблению и дезорганизации войска, и это сразу же отразилось на обороноспособности государства. Зима 1537/38 года была отмечена «великим приходом» казанских татар; после этого набеги повторялись регулярно, причиняя каждый раз страшное разорение¹²⁸. Между тем, продолжающееся Сжатие привело к подъему цен на зерно; в 1543 году был большой неурожай, который привел к волнениям в Пскове. Неурожай повторился в 1546 году, в феврале следующего года начался голод, а в июне произошел большой пожар в Москве. В этой обстановке в столице вспыхнуло восстание против правящей боярской группировки, восставшие убили одного из правителей, Ю. Глинского и разгромили многие боярские дворы¹²⁹. Нужно отметить, что это было первое народное восстание со времен основания Московского княжества; до тех пор в Москве (в отличие от Новгорода) не было крупных выступлений, направленных против властей.

Восставшие двинулись из Москвы в село Воробьево, где тогда находился Иван IV, и царю лишь с трудом удалось убедить их, что он не стоит заодно с Глинскими. В этой сложной и опасной ситуации ближайшими советниками юного царя стали священник Сильвестр и рында (телохранитель) Алексей Адашев. Грозя юному царю божьим гневом, Сильвестр призывал его восстановить в государстве *«правду»*, восстановить справедливый суд, одинаковый для всех, малых и великих. Царь должен расстаться с прежними советниками, говорил Сильвестр, расстаться с «богатыми» и «брюхатыми», «истязяющими» в свою пользу бесконечные дани с простых людей¹³⁰.

Возможно, следуя советам Сильвестра, молодой царь совершил неслыханный доселе поступок: он обратился к народу и в начале 1549 года созвал на собор из городов людей «всякого чина». Это было первое собрание «всей земли» – первое из тех собраний, которые позже стали называть «Земскими соборами». В. О. Ключевский отмечает, что соборы «появляются как-то вдруг и неожиданно», и они мало похожи на европейские парламенты¹³¹. Еще более неожиданно, что царь начинает свою речь с обвинения бояр во многих корыстных, обидах и «неправдах», которые они чинили народу. Такого еще не случалось в Москве – правда, Василий III в свое время обвинял в этом псковских бояр, но Псков тогда был самостоятельной республикой (и речь шла о конце этой самостоятельности и о конфискации боярских земель). Царь грозил боярам, что впредь им придется держать ответ за свои действия; он обещал восстановить *«правду»* и защищать простой народ от насилия. «Я сам буду вам, сколько возможно, судья и оборона, – говорил царь, – буду неправды разорять и похищенное возвращать»¹³². Чтобы утвердить правду и справедливость, Иван IV учредил Челобитный приказ; всем обиженным было дозволено жаловаться на вельмож прямо царю.

Таким образом, сообщения о восстании 1547 года показывают, что это был социальный конфликт, возникший в обстановке Сжатия и на почве распределения ресурсов – то есть один из тех конфликтов, возникновение которых предсказывает неомальтузианская теория. В контексте демографически-структурной теории такие явления рассматриваются как *государственный кризис*.

В этом контексте характерны также и социальные проекты, обсуждавшиеся после восстания. Главой Челобитного приказа был назначен Алексей Адашев, незаметный прежде молодой царский телохранитель, выходец из захудалых костромских дворян. Челобитный приказ должен был принимать челобитные от народа, в том числе и предложения преобразований. Среди проектов реформ того времени известен проект священника Ермолая-Еразма; Ермолай предлагал, в частности, ограничить владения бояр 8-кратным размером обычных дворянских поместий и выделить для царя во всех уездах особые земельные угодья¹³³. Радикализм этого предложения, несомненно, отражал глубину конфликта между аристократией и населением городов (в общем смысле – между аристократией и народом). Другой проект был представлен Иваном Пересветовым; Пересветов был многоопытным воином, служившим молдавскому господарю Петру Рарешу, вассалу турецкого султана Сулеймана Законодателя; он хорошо знал турецкие порядки. Челобитная, поданная Пересветовым царю, содержала «Сказание о Магмете-салтане»; в этом «Сказании» рассказывалось, как Магмет-салтан *«великую правду в царстве своем ввел»*¹³⁴.

Показательно, что Магмет-салтан выступал в «Сказании» как охранитель справедливости: он выдал судьям книги судебные, чтоб судили всех одинаково, он установил справедливые налоги и послал сборщиков – «а после сборщиков проверял, по приказу ли его царскому собирают». Воинов царь «наделил царским жалованием из казны своей, каждому по заслугам». «Если у царя кто против недруга крепко стоит... будь он и незнатного рода, то он его возвысит и имя ему знатное даст...» «Еще мудро устроил царь турецкий: каждый день 40 тысяч янычар при себе держит, умелых стрельцов из пищалей, и жалование им дает и довольствие на каждый день...»¹³⁵. Пересветов не просто рассказывал о порядках Османской империи – он предлагал брать пример с этих порядков, предлагал проект преобразований. Главное в этом проекте – это *призыв к утверждению самодержавия*, призванного охранять «правду» с помощью «грозы». Самодержавная монархия Пересветова носила военный характер, она нацелена на завоевания, и первое место в ней занимали «воинники»-дворяне, которые годами не слезают с коней. Конкретные меры, которые предлагал Пересветов – это ликвидация наместнических судов и системы кормлений (превратившихся в механизм перераспределения доходов в пользу аристократии), создание справедливого суда и нового свода законов, сбор судебных пошлин в казну, наделение служилых людей постоянным жалованием, особый суд для военных, запрещение закабалить свободных людей. Три наиболее настоятельных совета Пересветова – это установление «великой

правды», возвышение воинов по заслугам и создание приближенного к царю стрелецкого корпуса, подобного корпусу «умелых стрельцов»-нычар.

«Челобитная» Пересветова отражала раскол элиты и антибоярские настроения дворянства, объясняемые в рамках демографически-структурной теории конкуренцией за распределение ресурсов. Многие исследователи рассматривали начавшиеся затем реформы Ивана IV как начало долгой борьбы дворянства против бояр¹³⁶; эта борьба привела к учреждению опричнины, конфискации значительной части боярских земель и раздаче их в поместья; она не окончилась с отменой опричнины, и на протяжении полувека оставалась одним из главных проявлений социально-политического кризиса, начавшегося в правление Ивана IV.

2.2.4. Реформы Ивана IV: взаимодействие факторов

В соответствии с демографически-структурной теорией конфликт бояр и дворянства может быть истолкован как результат действия демографического фактора, однако этот конфликт лишь отчасти объясняет содержание реформ Ивана IV. Демографический фактор был лишь одним из факторов, определявших исход событий, и анализ социально-экономического развития второй половины XVI века дает нам возможность показать его роль в совокупности нескольких действующих факторов. Некоторые из этих факторов имеют в той или иной степени случайный характер, как, например, катастрофические неурожаи, глобальные эпидемии или вторжения завоевателей (мы обсудим вопрос о влиянии этих факторов в своем месте). Существуют также факторы, имеющие качественный характер, такие как технические инновации, внешние влияния или экономические сдвиги (см. п. 1.2.2). Влияние всех факторов проанализировать практически невозможно, но мы попытаемся (в дополнение к демографическому фактору) учесть влияние еще двух факторов – технических инноваций и внешних влияний.

Анализ взаимодействующего влияния различных факторов важен для фиксации роли демографического фактора. Мы попытаемся на конкретном примере очертить границы влияния этого фактора, показать, какие именно явления можно объяснить с помощью концепции демографических циклов, и какие явления объяснимы лишь с учетом действия других причинных связей. Анализ влияния трех факторов на социально-экономическое и политическое развитие России второй половины XVI века был выполнен автором в совместной статье с американским историком Честером Данингом¹³⁷. Поскольку изложение деталей действия других факторов, кроме демографического, не входит в задачу данного исследования, мы ограничимся лишь кратким изложением результатов вышеуказанной статьи.

Наиболее важной технической инновацией рассматриваемого периода было распространение огнестрельного оружия. Как отмечалось в п. 1.2.2, социально-экономические последствия этой инновации описывает так называемая теория «военной революции». Эта теория утверждает, что рево-

люция в военной технике повлекла за собой создание вооруженных огнестрельным оружием постоянных наемных армий. Содержание таких армий, в свою очередь, потребовало увеличения налогов, создания эффективной налоговой системы и сильного бюрократического аппарата. Появление новой армии, новой бюрократии, новой финансовой системы означали огромное усиление центральной власти и становление режима, которое иногда называют «военно-бюрократическим абсолютизмом». Нуждаясь в ресурсах, военно-бюрократический абсолютизм перераспределял доходы в свою пользу; при этом ему приходилось преодолевать сопротивление старой знати, которая терпела поражение в этой борьбе и теряла свое политическое значение. С другой стороны, увеличение налогов означало новые и часто нестерпимые тяготы для населения, вызывало голод, всеобщее недовольство и восстания¹³⁸.

Технические инновации часто распространяются путем диффузии, поэтому фактор внешних влияний (или *диффузионный фактор*) тесно связан с техническим фактором. Появление нового оружия вызывает волну завоеваний, и находящимся перед фронтом волны противникам не остается ничего иного, как поспешно заимствовать это оружие, а вместе с ним военную организацию, которая обычно является частью социальной системы. Однако фактор диффузии действует в более широкой области, чем область действия технического фактора; процесс заимствования распространяется на другие социальные и культурные институты и может привести к глубокой трансформации общества¹³⁹.

Возвращаясь к реформам Ивана IV, необходимо отметить, что «Челобитная» Ивана Пересветова содержала не только советы «веселить сердце» «воинникам-дворянам»; это была целая программа преобразований, предполагающая заимствование турецких порядков, и одним из пунктов этой программы было создание стрелецкого войска по образцу корпуса янычар¹⁴⁰. Летом 1550 года, спустя девять месяцев после подачи Пересветовым его «Челобитной», был сформирован корпус «выборных стрельцов». Данных об общей численности стрельцов не имеется, но она была весьма значительна: известно, к примеру, что только в одном походе 1578 года принимали участие 15 тыс. стрельцов¹⁴¹. Уже при жизни Грозного некоторые авторы, в частности, Франческо Тьеполо и Александр Гваньини, сравнивали стрельцов с янычарами¹⁴². Был создан также корпус пушкарей, организованный подобно подразделениям стрельцов. Характерно, что легкие пушки на Руси называли «тюфяками» (турецк. «тюфенг»), а пушкари носили специальный нагрудный знак «алам» (перс. «алам» – значок/печать на одежде)¹⁴³.

Таким образом, была создана постоянная (и быстро растущая) наемная армия, вооруженная огнестрельным оружием. Это было начало «военной революции», которая, в соответствии с теорией, должна была повлечь за собой цепь неизбежных следствий: реформу налоговой системы, создание бюрократического аппарата и наступление «военно-бюрократического абсолютизма» с целью перераспределения ресурсов. Все эти следствия действительно наблюдаются в 1550-60-х годах.

Наиболее важное значение имела налоговая реформа. В прежние времена землю клали в податные единицы, «сохи», в значительной мере произвольно – теперь была введена стандартная соха, зависевшая от качества земли. На служилых (поместных и вотчинных) землях в соху клали 1200 десятин «доброй» или 1500 десятин «средней» или 1800 десятин «худой» земли; на монастырских землях – соответственно 900, 1050 и 1200 десятин; на черных землях – 750, 900 и 1050 десятин. Был проведен кадастр, все поля, луга, леса были измерены и соответственно качеству земли поделены на «сохи»; каждой «сохе» был присвоен номер. Со всех сох полагались одинаковые государственные подати, которые крестьяне разверстывали между собой, соответственно размерам наделов (их, как и прежде, исчисляли в «вытях»). Поскольку размеры сох были разными, то обложение служилых земель составляло 62,5%, а обложение монастырских земель – 83% от обложения черных земель. За счет снижения обложения с поместных, вотчинных и монастырских земель государство позволяло служилым людям и церкви брать с крестьян свою долю дохода¹⁴⁴.

Одним из главных пунктов программы Пересветова была ликвидация наместничеств и сбор «кормов» в казну. Мероприятия в этом направлении проводились постепенно, начиная с 1550 года. В 1556 году состоялся «приговор царский о кормлениях и службе». По «приговору» наместники заменялись губными и земскими старостами, выбираемыми местным населением¹⁴⁵; губным старостам особо предписывалось, чтобы у них «насильства христианом от сильных людей не было»¹⁴⁶. Корма, которые, прежде собирали наместники, теперь собирались в казну¹⁴⁷.

Налоговая реформа привела к полной перестройке податной системы. Начиная с 1551 года московское правительство осуществляло коммутацию отработочных повинностей. Ямская повинность, военная служба («с сох») и прочие повинности были заменены выплатой денег; отныне крестьяне платили в 4 раза больше, чем прежде¹⁴⁸. Трудно сказать, насколько эквивалентной была эта замена, однако даже после четырехкратного увеличения денежных выплат государственные налоги не превышали 9% крестьянского дохода¹⁴⁹. С государственной точки зрения коммутация была вполне оправданной: набравшиеся с сох крестьяне-ополченцы были практически непригодны для войны, по своим воинским качествам они не шли в сравнение с поместной конницей. Вместо крестьянской службы реформа дала правительству деньги, которые пошли на финансирование нового войска. Налоговая реформа (в сочетании с поместной реформой) обеспечила создание огромной армии Ивана Грозного.

Начиная с 1550 года проводились мероприятия по приведению в порядок поместной системы. Суть поместной реформы заключалась в строгом государственном регулировании службы бояр, дворян и детей боярских, что означало, с одной стороны, отягчение этой службы, а с другой стороны, перераспределение на военные нужды части ресурсов, которые ранее шли на потребление элиты. В «приговоре» 1556 года были впервые введены нормы службы: со 150 десятин доброй земли выставлялся человек на

коне и в доспехе – «а в дальний поход о дву конь». Поместья предполагалось измерить и уравнивать соответственно «достоинству»¹⁵⁰. Особенно большое значение это нововведение имело для организации службы вотчинников: бояре и князья были обязаны служить и прежде, но число воинов, которых они должны были приводить с собой, не было четко определено. Теперь был организован учет, по уездам были составлены нарядные списки, и отныне никто не мог уклониться от службы. «И свезли государю списки изо всех мест и государь сметил множество воинства своего, – говорит летопись, – еще прежде сего не бысть так, многие бо крышася, от службы избываше»¹⁵¹. Эта реформа намного увеличила московское войско. Венецианский посол Фоскарино свидетельствует, что прежде войско было немногочисленным, но преобразования «императора Ивана Васильевича» увеличили его до огромных размеров: он сам будто бы видел две армии по 100 тысяч человек каждая¹⁵². По более надежным (но более поздним) сведениям Д. Флетчера, «число всадников, находящихся всегда в готовности», достигало 80 тысяч человек, но в случае необходимости каждый дворянин мог привести с собой одного или двух «боевых холопов»¹⁵³. Таким образом, военные реформы Ивана Грозного достигли своей цели – была создана мощная армия, которая позволила России намного расширить свою территорию, стать великой державой того времени.

Необходимо отметить важную деталь организации русской поместной системы: воины обеспечивались не только поместьями, но и дополнительным жалованьем, которое выдавалось на смотрах. Таким образом, увеличение численности воинов требовало изыскания новых средств, что и было целью финансовой реформы¹⁵⁴.

Один из наиболее настоятельных советов Пересветова – это выдвижение служилых людей по заслугам, а не по знатности. Штаден отмечал, что если воин был ранен в бою спереди, то он получал придачу к поместью, если же он был ранен в спину, то поместье убавляли¹⁵⁵. Однако боярское местничество не допускало назначения неродовитых служак на высокие посты; бояре издавна боролись между собой из-за «мест». В 1550 году царь отменил местничество в полках во время военных походов – но большего он сделать не смог. Частичная отмена местничества вызвала резкое недовольство знати. В тайной беседе с литовским послом боярин Ростовский жаловался: «Их всех государь не жалует, великих родов бесчестит, а приближает к себе молодых людей...»¹⁵⁶ Ростовский стал одним из организаторов заговора 1553 года.

Еще одно направление реформ (в соответствии с теорией военной революции) было связано с организацией бюрократических центральных ведомств, «приказов». Налоговая и поместная реформа, составление земельного кадастра, ведение нарядных книг – все это требовало учета и контроля, создания новых специализированных ведомств. Военными делами стал управлять Разрядный приказ, сбором ямских денег и организацией ямской службы – Ямской приказ, государственными землями – Поместный приказ. Прежняя Казна превратилась в Казенный приказ, появи-

лись и другие приказы – Посольский, Разбойный и т. д. Над каждым приказом начальствовал думный боярин, но бояре плохо разбирались в делопроизводстве, и в действительности главой приказа был ученый грамотей-дьяк. Дьяки происходили обычно из «поповского рода», они были незнатными людьми, но, тем не менее, они были включены в состав думы и стали «думными дьяками». Это выдвижение худородных чиновников вызывало негодование у родовитых бояр. А. Курбский писал, что писарям русским царь «зело верит, а избирает их не от шляхетского роду, ни от благородства, но паче от поповичей или от простого всенародства, а от ненавидячи творит вельмож своих»¹⁵⁷. Царь больше не верит боярам, писал Т. Тетерин боярину М. Я. Морозову, «есть у великого князя новые верники-дьяки... у которых отцы вашим отцам в холопстве не пригожались, а ныне не только землею владеют, но и вашими головами торгуют»¹⁵⁸.

В соответствии с теорией военной революции конечной целью «военно-бюрократического абсолютизма» было перераспределение ресурсов: отнятие части ресурсов у элиты, мобилизация ресурсов народа и направление их на содержание новой армии и бюрократического аппарата. По переписям 40-х годов примерно треть земли в центральных уездах принадлежала церкви, треть составляли вотчины (преимущественно боярские) и треть принадлежала государству¹⁵⁹. Перераспределение ресурсов подразумевало перераспределение этих пропорций в пользу государства.

Первая попытка в этом направлении была сделана в начале 1551 года, когда Иван IV обратился к патриарху и церковному собору с вопросом о том достойно ли монастырям приобретать земли и копить богатства. В ответ на запрос царя иерархи церкви объявили вероотступником всякого, кто покушается на ее богатства, и Иван IV был вынужден отступить. Тем не менее, правительство нашло способ перераспределения церковных доходов в свою пользу. Церковь была лишена прежних налоговых привилегий (тарханов), и монастыри были обязаны платить налоги по ставке, лишь немного уступавшей ставке налога с государственных («черных») земель. Земли, полученные церковью в 40-е годы «за долги» были отписаны на царя, и впредь монахам было запрещено заниматься ростовщичеством. Все новые покупки земель производились только с разрешения царя¹⁶⁰.

Затем делается попытка ограничить боярское землевладение. В 1562 году появился закон, запрещавший продажу родовых княжеских вотчин; в случае отсутствия прямого наследника вотчины отбирались в казну. Вслед за отменой кормлений, обязательством платить налоги и выставлять воинов этот указ был новым шагом, ущемлявшим интересы знати. Фактически речь шла о частичной конфискации боярских земель (выморочных вотчин). Естественно, он не мог не вызвать противодействия знати, есть известие, что при обсуждении указа «князь Михайло (*Воротынский* –С.Н.) царю погрубил»¹⁶¹.

Покушение на боярские земли, отягощение их налогами и обязанностью выставлять воинов, «выдвижение молодых», «бесчестье великих родов» и приближение «верников-дьяков», в конечном счете, вызвали жесто-

кий конфликт между царем и боярской аристократией. Этот конфликт был предусмотрен «теорией военной революции», но быстрота, с которой причина (создание новой армии) вызывала все описанные выше следствия, объясняется тем, что «военная революция» ускорялась третьим фактором – внешним диффузионным влиянием. Как отмечалось выше, стрелецкий корпус был создан по образцу корпуса янычар; османское влияние можно заметить и в общей направленности реформ на установление самодержавия. Фактор диффузии позволяет объяснить некоторые специфические особенности реформ, необъяснимые, исходя из теории военной революции. В частности, институт опричнины, по-видимому, был аналогом османского института «хассе», включавшего дворцовые земли, султанскую казну и гвардию¹⁶². «Слово “опричина”, и есть, в сущности, хороший русский перевод слова “хассе”», – писал известный востоковед И. П. Петрушевский¹⁶³.

Как показано в работах многих исследователей (в том числе, в работах автора¹⁶⁴), процесс диффузии османских государственных институтов начался задолго до реформ Ивана Грозного, еще при Иване III, и его первым проявлением было заимствование османского института тимаров – той самой поместной системы, которая составила основу российского государства. В контексте диффузионных процессов находит объяснение и становление российского самодержавия, которое, несомненно, имело восточные черты¹⁶⁵.

Другим примером заимствования османских политических методов является лишение вотчин большого числа княжеских и боярских родов и переселение («вывод») их на окраины¹⁶⁶. «Представители знатных родов, – пишут И. Таубе и Э. Крузе, – были изгнаны безжалостным образом из старинных, унаследованных от отцов имений, и так, что не могли взять с собой даже движимое имущество... Эти бояре были переведены на новые места, где им были указаны поместья...»¹⁶⁷. Р. Г. Скрынников установил, что свыше 150 представителей высшей знати были «выведены» в Казанскую землю, едва ли не большинство этих ссыльных имело княжеские титулы¹⁶⁸.

«Великий вывод» нанес решающий удар княжеской и боярской знати. Хотя через некоторое время сосланным было дозволено вернуться в Москву, мало кто из них получил назад свои земли. Дж. Флетчер в следующих словах отразил изменение положения бояр при Иване IV: «Сначала они были только обязаны служить царю во время войны, выставляя известное число конных, но покойный царь Иван Васильевич... человек высокого ума и тонкий политик в своем роде, начал постепенно лишать их прежнего величия и прежней власти, пока, наконец, не сделал их не только своими подчиненными, но даже холопами... Овладев всем их наследственным имением и землями, лишив их почти всех прав... он дал им другие земли на праве поместном... владение коими зависит от произвола царя... почему теперь знатнейшие дворяне (называемые удельными князьями) сравнялись с прочими...»¹⁶⁹ «Установлено фактически, – пишет В. Д. Назаров, – что в ряде уездов опричные выселения и переселения имели массовый характер, причем имело место в широких масштабах изменение формы собственности (вотчинной на поместную)»¹⁷⁰.

Реформы Ивана Грозного имели решающее значение для формирования социально-политической системы Московского царства, основными компонентами которой стали самодержавие, приказная бюрократия, полурегулярное стрелецкое войско и поместная система. Эти реформы означали *трансформацию структуры* – качественное изменение отношений между элементами структуры «государство-элита-народ». Это качественное изменение заключалось в ликвидации относительной самостоятельности старой знати, полном подчинении элиты государству, отяжении условий военной службы, появлении новых подчиненных государству незлитных военных формирований, создании новых инструментов бюрократического управления и масштабном перераспределении ресурсов элиты и народа в пользу государства.

Таким образом, имеются основания полагать, что реформы 1550-х годов и опричнина могут быть во многом объяснены совокупным действием демографического, военно-технического и диффузионного факторов. В этом гетерогенном процессе роль демографического фактора (в соответствии с демографически-структурной теорией) проявлялась, в частности, в столкновении государства и аристократии, в процессе фракционирования элиты и в борьбе аристократии и дворянства, в направленных против аристократии выступлениях городского населения, в тенденциях к самодержавию и этатизму, в экономическом и финансовом кризисе, в росте цен, падении потребления и в постоянно повторяющихся голодовках, на фоне которых происходила политическая борьба. Однако параллельно демографическому фактору и почти в том же направлении действовали технический и диффузионный факторы, и в некоторых процессах эти факторы играли более важную роль, чем демографический фактор. Наступление самодержавия, в частности, началось задолго до Сжигания и может получить более обстоятельное объяснение при изучении диффузионных процессов. Военная реформа также необъяснима в рамках демографически-структурной теории, но имеет логическое объяснение в рамках процессов военной революции и диффузии; такой же вывод можно сделать и в отношении налоговой реформы. Опричнина, хотя и была следствием общего конфликта между государством и аристократией, в своих конкретных формах может получить объяснение в рамках процесса османских заимствований.

2.3. Экосоциальный кризис

2.3.1. Демографическая катастрофа

Наряду с динамикой населения и динамикой элиты демографически-структурная теория изучает также и динамику государства. Основные величины, характеризующие эту динамику, – это объем финансовых средств государства (соответствующий объему поступающих налогов), численность его военных сил, а также уровень авторитаризма и степень государственного регулирования. Трансформация структуры «государство-элита-

народ» в период правления Ивана Грозного привела к резкому усилению государственной и военной мощи России. Следствием этого усиления стало завоевание Поволжья, что в долгосрочной перспективе означало значительное расширение экологической ниши русского этноса. Однако трансформация структуры привела также и к резкому увеличению налогов. Конечной целью «военно-бюрократического абсолютизма» было перераспределение ресурсов, не только отнятие части ресурсов у элиты, но и мобилизация ресурсов народа и направление их на содержание новой армии и бюрократического аппарата. Рис. 2.1. дает представление о драматическом наступлении военно-бюрократического самодержавия.

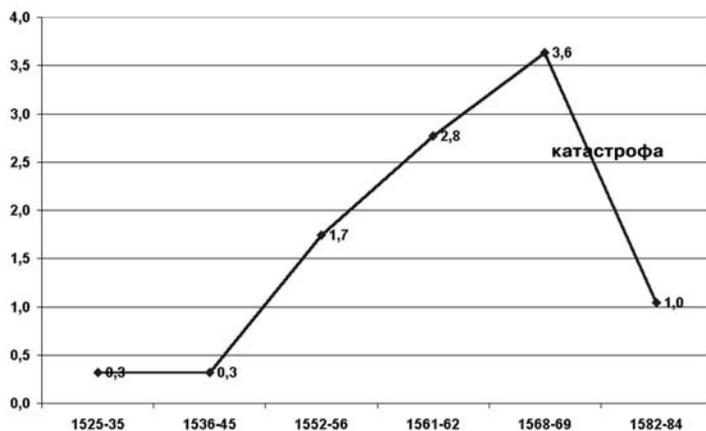

Рис. 2.1. Динамика государственных повинностей в Бежецкой пятине (в пудах хлеба на душу населения)¹⁷¹.

Для того чтобы заплатить увеличившиеся налоги, крестьяне были вынуждены продавать больше хлеба; это вызвало снижение цен в 1562-1568 годах, и еще более увеличило тяжесть налогов. После собора 1566 года налоги были еще раз увеличены, теперь в пересчете на хлеб они составляли около 3,5 пудов на душу населения, в два раза больше, чем в начале 50-х годов.

Демографически-структурная теория, описывая динамику государства в период Сжатия, утверждает, что в этот период государство испытывает финансовые проблемы, обусловленные трудностями сбора налогов с беднеющего населения и обесцениением поступающих денежных средств в результате роста цен. Однако в России резкое усиление государственной мощи позволяло увеличивать налоги, несмотря ни на что. В результате государственный кризис не проявился явно, но рост налогов в огромной степени способствовал развитию кризиса в другом предсказываемом немальтузианской теорией направлении – в направлении демографической катастрофы.

В контексте неомальтузианской теории резкое увеличение налогов означает перераспределение ресурсов в пользу государства и отнятие средств существования (*means of subsistence*) у народа – то есть искусственное сокращение экологической ниши. С другой стороны, рост населения и уже начавшееся Сжатие и без того обуславливали низкий уровень потребления; теперь к естественному Сжатию добавлялось искусственное, что еще более понижало уровень потребления и резко повышало демографическое давление.

Здесь необходимо вернуться к ситуации, которая сложилась к середине XVI века на новгородчине. Как отмечалось выше, Сжатие было неравномерным, и его очаг был расположен на Северо-Западе – там, где и без того скудные средства существования крестьян сокращались большими изъятиями ресурсов в пользу дворян и государства. Мы видели, что в некоторых пятинах Новгородчины потребление крестьян было ниже минимума в 15 пудов на душу населения, что крестьяне часто голодали и население пятин уменьшалось. Откуда крестьяне могли взять лишние 3-4 пуда на душу, чтобы заплатить увеличившиеся налоги? Изъятие необходимого для пропитания зерна должно было привести к голоду и к вспышке эпидемий. Имеющиеся данные, действительно, говорят о нарастании голода и эпидемий в Деревской пятине, начиная с 1560 года (см. рис. 2.2).

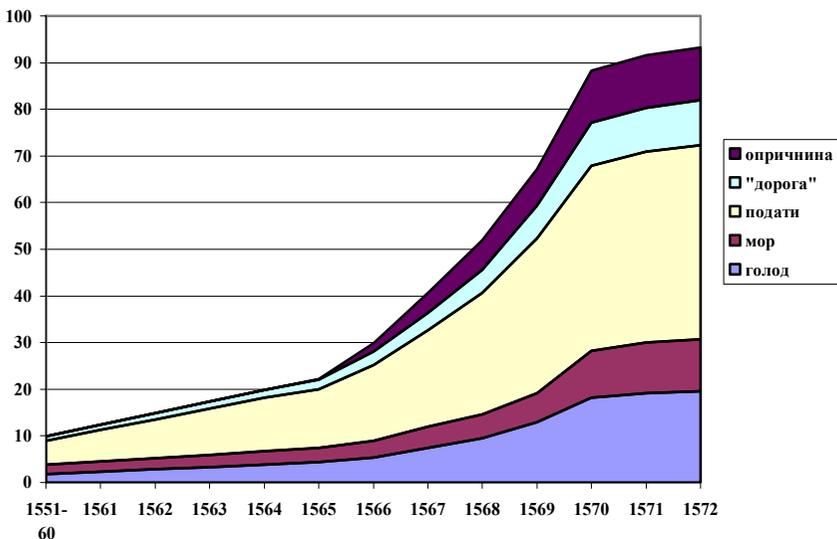

Рис. 2.2. Процесс запустения Деревской пятинны (в процентах к общему числу беж в 1500 году)¹⁷². При «обыске» в 1573 году писцы указывали причины запустения беж, ухода или гибели хозяев: голод, мор, бегство от податей, от насилий войск, двигавшихся в Ливонию по проходившим по пятине дорогам. Часть беж запустела от вывоза крестьян в поместья опричников.

Общее впечатление от этой картины – это постоянные голод и мор. Увеличение податей вызвало повальное бегство, но судьба бежавших остается неизвестной – многие, вероятно, погибли от голода на дорогах. График говорит о том, что голод и мор, разразившиеся по всей России в 1568-1571 годах, были подготовлены протекавшими ранее процессами. В Деревской пятине они означали лишь некоторое усиление голода и мора, которые свирепствовали здесь все 60-е годы.

В конце 60-х годов тревожные сообщения приходят и из других районов. Увеличение налогов должно было привести к сокращению крестьянских запасов, что в случае неурожая было чревато большим голодом. Здесь мы соприкасаемся с важным вопросом о влиянии случайных факторов, таких, как неурожай и эпидемии. Большие неурожаи случались на Руси в среднем каждые 6-7 лет¹⁷³, но они обычно не приводили к катастрофическому голоду, потому что, в силу давней традиции, крестьяне хранили запасы хлеба на случай неурожая. Запасы поддерживали устойчивость экономической системы, теперь же высокие налоги лишали крестьян возможности запастись хлеб, система становилась неустойчивой – и «случайные» факторы начали действовать.

В 1567/68 годах летописи отмечают неурожай и голод в центральных областях: «Глад был на Руси велик, купили в Москве четверть ржи в полтора рубля»¹⁷⁴. Обычная цена ржи была 30-40 денег – стало быть, цены возросли в 8-10 раз! Следующий год снова был неурожайным: «Была меженина велика добре, на Москве, и в Твери и на Волоце ржи четверть купили по полутора рубля по шьтидесят алтын и людей много умерло с голоду»¹⁷⁵. В 1569 году в вотчинах старицкого Успенского монастыря в Тверском уезде пустовала треть деревень, а в Кашинском и Старицком уездах – около половины¹⁷⁶. В 1570 году следом за голодом пришла чума. В современной историографии считается, что большие эпидемии не приходят сами по себе, что они являются следствием хронического недоедания и падения сопротивляемости организма¹⁷⁷. «Это была одна из тех страшных эпидемий средневековья, которые возникали примерно один раз в сто лет и оставляли после себя почти полностью обезлюдевшие города и деревни», – писала Е. И. Кольчова¹⁷⁸. «Великий голод» продолжался и во время эпидемии. «Был тогда великий голод, – свидетельствует Г. Штаден, – из-за кусочка хлеба человек убивал человека...»¹⁷⁹. Весной 1571 года монахи Троице-Сергиева монастыря жаловались, что в монастырских вотчинах «крестьяне от глада и от поветрия вымерли», «крестьян... у них во всей троецкой вотчине не осталось ни тридцатого жеребья»¹⁸⁰.

В условиях жестоких войн ослабление одного из противников побуждает других к наступлению – и такой «случайный» фактор, как опустошительное нашествие врагов, тоже оказывается не случайным. Перебежчики поспешили донести крымскому хану о трагедии Руси¹⁸¹. Хан Девлет-Гирей решил воспользоваться тяжелым положением русских, собрал огромное войско и пошел походом на Москву. В мае 1571 года крымцы окружили в

Москве русскую армию и сожгли осажденный город, в огне погибли сотни тысяч людей. Татары подвергли страшному разорению весь Московский уезд и уезды, лежавшие южнее столицы¹⁸².

Каковы были масштабы катастрофы? Наиболее подробные данные по этому вопросу предоставляют новгородские материалы. В Деревской пятине 1/3 беж была заброшена из-за голода и мора – то есть хозяева погибли; остальные бежали от царевых податей и правей. В Водской пятине запустело 3/5 всех беж, но неизвестно, сколько крестьян погибло, а сколько ушло в другие места. В одной из волостей Бежецкой пятины от мора и голода погибло 40% населения¹⁸³. Для центральных областей статистических данных гораздо меньше; имеется, в частности, информация о запустении расположенных в различных уездах вотчин Троице-Сергиева и Иосифо-Волоколамского монастырей. В опустошенном татарами Московском уезде в этих вотчинах было заброшено 90% пашни, в Суздальском уезде – 60%, в Муромском уезде – 36%, в Юрьев-Польском уезде – 18%¹⁸⁴. Масштабы запустения были велики; часть крестьян погибла, но некоторые, вероятно, переселились в другие места. Однако массовое переселение во время эпидемии было невозможно: во избежание распространения болезни дороги были перекрыты заставами. Бежать на окраины не имело смысла: 1570-е годы были временем больших восстаний в Поволжье, а южные области в этот период трижды подвергались опустошению кочевниками¹⁸⁵. Таким образом, крестьянам было некуда уходить, и приведенные выше цифры говорят об огромных масштабах гибели населения. В итоге, можно предположить, что демографическая катастрофа привела к уменьшению численности населения примерно на 30-50%¹⁸⁶.

Суммируя сказанное, необходимо отметить, что демографическую катастрофу 1568-1571 годов нельзя объяснить, исходя из одного демографического фактора. Демографический фактор обусловил перенаселение и нехватку земли в некоторых районах, ухудшающееся продовольственное положение, часто повторяющийся голод. На эту классическую картину Сжатия наложились потребности военной революции и войны, которые обусловили резкое увеличение налогов. В результате изъятия хлебных запасов экономическая система потеряла устойчивость и стала чувствительной к действию случайных факторов, таких, как неурожай. Неурожай вызвал голод, а за голодом, как обычно бывает, последовала эпидемия. Внешние враги воспользовались ситуацией, чтобы довершить разорение Московии – и в результате произошла страшная демографическая катастрофа. Таким образом, мы снова сталкиваемся с совокупным действием нескольких факторов, причем те из них, которые можно считать главными (демографический и технический), открывают дорогу действию других, случайных факторов (неурожай, эпидемии и нашествия врагов).

Казалось бы, в противоречии с теорией, демографическая катастрофа не сопровождалась теми явлениями, которые присутствуют в описаниях классического экосоциального кризиса: голодными бунтами, народными восстаниями и мятежами знати. Мощное государство сумело на время

предотвратить политическую дестабилизацию. Однако оно не сумело предотвратить дестабилизацию экономическую, а это означало, что экосоциальный кризис будет продолжаться, что грозные события еще впереди.

2.3.2. Экономические последствия катастрофы

Классический пример анализа экономических последствий демографической катастрофы был дан в свое время М. Постановом, изучавшим последствия Черной Смерти XIV века. Анализируя эти последствия, М. Поста́н следует неомальтузианской теории и подчеркивает следующие основные моменты. Убыль населения приводит к тому, что на смену прежней нехватке земли приходит ее избыток, появляется нехватка рабочей силы. Первым следствием нехватки рабочей силы является резкое возрастание реальной заработной платы (то есть платы, исчисленной в зерне). Вторым следствием является понижение ценности земли, то есть уменьшение земельной ренты, оброков и барщин. В Англии после Черной Смерти численность населения уменьшилась вдвое, а реальная заработная плата возросла в 2-2,5 раза¹⁸⁷.

Соответствуют ли неомальтузианским представлениям последствия российской катастрофы 1568-1571 годов? Имел ли место рост реальной заработной платы, и наблюдалось ли уменьшение оброков? Ответ на этот вопрос имеет чрезвычайно большое значение в плане апробации неомальтузианского подхода на российском материале.

Анализируя данные о заработной плате наемных работников, нужно отметить, что информации о поденной плате имеется сравнительно немного. Известно, например, что в 1576 году поденщики на вологодчине получали по 3 деньги в день, а четверть зерна стоила 23 деньги¹⁸⁸, таким образом, дневная плата составляла 9,3 кг хлеба. Как отмечалось выше, в 1568 году поденщик на Белоозере мог на дневную плату купить только 3,6 кг хлеба*. Но, хотя в данном примере реальная заработная плата возросла в 2,5 раза, трудно сделать вывод о статистической значимости таких единичных примеров.

Гораздо больше данных имеется об оплате монастырских работников («детенышей» или «казаков») нанимавшихся на год или на большие сроки. Рост оплаты монастырских работников в 1570-х годах отмечался многими исследователями – причем Б. Д. Греков еще в 20-х годах предполагал, что оплата выросла вследствие нехватки рабочей силы¹⁸⁹. Однако обобщающих данных по этому вопросу в литературе не имеется, и нам пришлось провести конкретно-историческое исследование с использованием приходно-расходных книг Иосифо-Волоколамского монастыря. В результате обработки данных о заработной плате нескольких сот «детенышей» выяснилось, что средняя реальная (а также и номинальная) заработная плата

* Здесь и далее исчисление ведется в пудах «хлеба»: четверть ржи (4 пуда) плюс четверть овса (2,7 пуда) составляют «юфть» – 6,7 пуда «хлеба». Четверть овса обычно стоила в 2 раза дешевле, поэтому цена пуда «хлеба» составляла 9/10 от цены пуда ржи.

после катастрофы 1570-71 годов возросла примерно в 2,5 раза (рис.2.3). Оплата квалифицированных работников, например, плотников, портных, возросла в 2 раза. Подобное увеличение оплаты имело место и в других церковных учреждениях. В Новгородском Софийском Доме оплата дворовых работников увеличилась в 1547-1577 годах с 60 до 120 денег; в Кирилло-Белозерском монастыре оброк дворовых слуг возрос в 1568-1581 годах с 42 до 126 денег, а оброк портных – с 90 до 200 денег¹⁹⁰. М. Постан особо отмечает, что после Великой Чумы оплата чернорабочих увеличилась в большей степени, чем оплата квалифицированных рабочих¹⁹¹, – это явление мы отмечаем и в России.

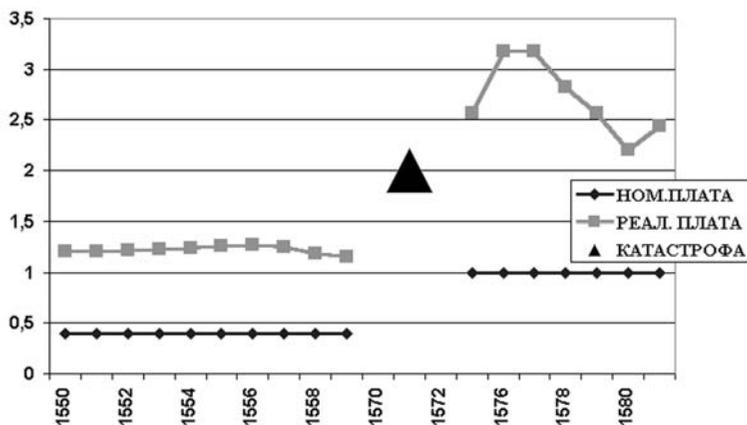

Рис. 2.3. Размеры оброка и реальной заработной платы в Иосифо-Волоколамском монастыре¹⁹². Годовой размер оброка дан в рублях. Реальная плата исчисляется как количество ржи (в кг) которые мог купить работник на дневную плату плюс дневное продуктовоесодержание (0,8кг)¹⁹³.

Вторым признаком резкого сокращения численности населения является значительное уменьшение земельной ренты. После Черной смерти нехватка рабочей силы в Англии привела к тому, что крестьяне и батраки стали передвигаться по стране в поисках лучших условий. Они отказывались занимать освободившиеся после чумы обремененные барщиной тяглые «вилланские» наделы; землевладельцы были вынуждены сдавать эти земли в аренду по пониженным расценкам, и арендная плата упала на 20-30%¹⁹⁴. Мы наблюдаем аналогичный процесс и в России, здесь наблюдается резкое сокращение величины тяглого надела и распространение аренды по пониженным оброчным ставкам. В первой половине XVI века размеры облагаемого налогами и зафиксированного в переписях тяглого надела крестьянина приближались к одной выти, а аренды за оброк практически не существовало. Теперь же крестьяне отказываются брать полные тяглые

наделы, эти наделы сокращаются до 1/3-1/6 выги; появилось множество безнадельных крестьян, «бобылей». Остальную необходимую им землю крестьяне арендовали у своего или у соседнего землевладельца; эта земля не указывалась в переписных книгах, и с нее не платили казенные налоги, а плата, полагавшаяся землевладельцу, была намного ниже, чем на тяглых землях. В результате после катастрофы 1568-1571 годов оброки на поместных землях упали примерно в 3 раза (с 10-12 пудов до 3-4 пудов на душу), на дворцовых землях – примерно в 2 раза¹⁹⁵.

В некоторых случаях отмечалось не только уменьшение оброков в расчете на двор, но и уменьшение вытных ставок. Так, З. В. Дмитриева, сравнивая размеры ставок в 1559 и 1601 годах в различных вотчинах Кирилло-Белозерского монастыря, пришла к выводу, что они резко уменьшились в тех селах, где тяжело сказался кризис 1568-1571 годов, и почти не изменились в районах, не пострадавших от голода и мора¹⁹⁶.

Уменьшение оброков для оброчных крестьян шло параллельно уменьшению барщины в барщинных хозяйствах. Известно, что в первой половине XVI века норма барщины составляла 1 десятину с выги в одном поле; в подавляющем большинстве известных случаев эта норма сохранялась вплоть до 90-х годов¹⁹⁷. Но количество дворов на выть за это время возросло в 2-3 раза – то есть объем барщины в расчете на двор значительно сократился¹⁹⁸.

Таким образом, нормы оброка и барщины снизились, свободной земли было более чем достаточно, можно было выбирать лучшие участки. Напрашивается вывод о том, что крестьяне стали жить намного лучше – однако у нас нет массовых данных, которые бы позволили реконструировать бюджет крестьянского хозяйства¹⁹⁹. Крестьяне скрывали свою безоброчную пашню и указывали в качестве тяглых наделов мизерные участки, поэтому размеры средней запашки известны лишь в редких случаях. В Прибужском погосте Старорусского уезда в 1580-х годах на крестьянский двор приходилось 3 десятины тяглой, 5 десятин арендной земли, и, вероятно, кое-что обрабатывалось безоброчно. В Бежецкой пятине известно много случаев, когда крестьяне безоброчно распихивали очень большие наделы²⁰⁰. Естественно предположить, что в сложившихся благоприятных условиях крестьяне пахали столько, сколько считали нужным – и, во всяком случае, не меньше, чем раньше. Г. Штаден свидетельствует, что в то время среди крестьян были богатые люди; известно также, что некоторые сельчане делали большие вклады в монастыри²⁰¹. О высоком уровне жизни крестьян говорит и высокая оплата монастырских батраков-«детеньшей».

Таким образом, в период, последовавший за катастрофой 70-х годов, уровень эксплуатации крестьян не увеличился (как утверждают некоторые историки), а напротив, значительно уменьшился – в полном соответствии с неомальтузианской теорией. Это означало экономическую дестабилизацию, перераспределение ресурсов в пользу народа и в ущерб государству и элите. Начался тяжелый финансовый кризис государства, сопровождаемый кризисом элиты – характерные процессы, фиксируемые демографически-

структурной теорией, как признаки надвигающегося брейкдауна. Государству угрожал и старый конфликт, унаследованный от периода до катастрофы – затянувшееся противостояние между самодержавием и боярское аристократией.

2.3.3. Кризис государства

Теперь нам необходимо вернуться к рассмотрению динамики государства. С первого взгляда, мощное государство Ивана Грозного сумело справиться с тяжелым кризисом: крымские татары были разбиты в битве при Молодях, а внутри страны не было восстаний и мятежей. Однако в действительности демографическая катастрофа нанесла сильнейший удар по государственной системе России. Уменьшились не только подати, уплачиваемые землевладельцам, сокращение тяглых наделов привело к уменьшению крестьянских платежей в казну. Реальный размер податей, платимых с одного двора, сократился в 3-4 раза. В Новгородском уезде Шелонской пятины в 1573-1588 годах реальные платежи крестьянского двора уменьшились в 5 раз! Казна опустела; сборы с новгородских земель к 1576 году уменьшились вдвое, а к 1583 году в 12 раз²⁰²!

Власти не сразу осознали всей тяжести бедствия, первое время они, как встарь, заставляли уцелевших крестьян платить подати за погибших и ушедших. К 1570-1571 годам относятся сведения о жестоких «правежах», которые творили хлебные «праветчики» и посланные им на подмогу опричники; иной раз крестьян забивали насмерть; их имущество продавали за долги. В 1571 году правительство опомнилось и послало в деревню писцов выяснять положение и править писцовые книги, снимать налоги с умерших. Но было уже поздно, жестокие «правежи» вынудили крестьян к бегству – и бегство приняло массовый характер. Многие уходили на земли монастырей – во время борьбы с боярами царь восстановил отмененные было налоговые привилегии монастырей, «тархань»; теперь монастыри, в свою очередь, давали льготы крестьянам. В условиях катастрофической нехватки рабочей силы крестьяне могли диктовать землевладельцам свои условия, заставляя их уменьшать величину тяглого надела и сдавать землю под оброк. Так же как в Англии, начался процесс интенсивного перемещения крестьян в поисках лучших мест²⁰³.

Последствия катастрофы тяжело сказались на положении военного сословия. Дворянские поместья стояли пустыми, землю было некому обрабатывать; в Московском уезде обрабатывалось только 7% помещичьей пашни, в Коломенском уезде – 25%. В Деревской пятине в начале 80-х годов больше трети помещиков не имели ни пашни, ни крестьян²⁰⁴. «А крестьяне, вышед из-за служилых людей, живут за тарханами по льготе, – говорится в приговоре церковного собора 1584 года, – и оттого великая тощета воинским людям прииде»²⁰⁵. Барская запашка сократилась до уровня, немногим превосходящего запашку крестьянского двора, а доходы помещика – до уровня крестьянских доходов. «В период хозяйственного кризиса... оставшиеся крестьяне почти полностью перестали пахать тяглую землю, тем

самым почти полностью лишив владельцев оброка», – отмечал Г. В. Абрамович²⁰⁶. Не имея денег, помещик не мог купить кольчугу или саблю – но несмотря на это должен был идти воевать. «У тех, кто не объявлялся на смотр, отписывались именья, – свидетельствует Г. Штаден, – а его самого били публично на торгу или в лагере кнутом...»²⁰⁷ Дворяне бросали свои опустевшие поместья и скрывались в бегах, московское войско уменьшилось более чем вдвое²⁰⁸.

Под угрозой лагерных «правежей» помещикам не оставалось ничего иного, кроме как увеличивать оброки и барщину немногих оставшихся у них крестьян. В прежние времена величина оброка фиксировалась в переписных книгах; именно это детальное перечисление оброков составляло основное содержание русских переписных книг. В «послушных грамотах», выдаваемых при испомещении, указывалось, что крестьяне должны платить оброки и нести барщину «по старине» – то есть так, как зафиксировано в прежних книгах. (Иногда, правда, встречались грамоты, позволявшие помещику «прибавить доходу», но так, чтобы не вызвать уход недовольных крестьян, чтобы поместье не запустело²⁰⁹.) В немногих сохранившихся переписных книгах 60-х годов сохраняется перечисление оброков примерно в тех же размерах, что и прежде. Однако с конца 60-х годов меняется форма «послушных грамот»; грамоты теперь требуют, чтобы крестьяне давали помещику все, «чем вас изоброчит»²¹⁰. Таким образом, помещики получили право произвольно увеличивать оброки крестьян. «Служилые люди стали брать с бедных крестьян, которые были им даны, все, что те имели», – свидетельствуют И. Таубе и Э. Крузе²¹¹. В ответ крестьяне стали уходить от помещиков, не дожидаясь Юрьева дня и не платя «пожилого». Бывали случаи, когда при повышении оброка все крестьяне разом уходили из деревни помещика²¹².

Кризис продолжался, и некогда мощное московское войско быстро теряло боеспособность. По литовским сведениям, в 1580 году в Москве собрался собор, на котором «всей землей просили великого князя о мире, заявляя, что больше того с их сел не возьмешь, что против сильного государя трудно воевать, когда из-за опустошения их вотчин не имеешь на чем и с чем»²¹³. «Обращение к материалам разрядных книг за 1578-1579 показывает, с каким трудом приходилось заставлять «оскудевших» служилых людей выступать в походы, – отмечает В. И. Корецкий. – Ни угрозы битья кнутом, ни даже смертной казни уже не действовали»²¹⁴. Правительство пыталось что-то предпринять: чтобы предотвратить уход крестьян с помещичьих на монастырские земли, были окончательно отменены все налоговые привилегии монастырей; была запрещена любая передача земель служилых людей церкви, были введены новые чрезвычайные налоги. Была начата перепись, в районах ее проведения временно вводились «заповедные годы» – в эти годы крестьяне и горожане не должны были менять место жительства²¹⁵. Все эти меры не могли спасти положение.

В начале 1582 года правительство признало свое бессилие, отказалось от завоеваний в Ливонии и подписало мир с Польшей. Два года спустя

умер Иван Грозный, и на престол взошел его сын Федор (1584-1598). Федор был «слаб умом» и практически неспособен к управлению; это означало резкое ослабление государственной власти в период, когда экономическая дестабилизация грозила перейти в политический кризис²¹⁶.

Таким образом, произошедшее в соответствии с неомальтузианской теорией перераспределение ресурсов в пользу народа (и их сокращение в целом) привело к финансовому кризису государства, к расстройству военных сил и к частичной потере управляемости. Это перераспределение привело также и к кризису элиты, потерявшей большую часть своих доходов, и требовавшей от государства принять меры к их восстановлению. При этом сохранялся глубокий раскол элиты и конфронтация между аристократией и дворянством, с одной стороны, и аристократией и государством – с другой.

В условиях кризиса государство перестало устанавливать размеры ренты помещиков; это была уступка государства элите, говорящая об ослаблении самодержавия, и о существенных изменениях взаимоотношений в рамках структуры «государство-элита-народ». В сочетании с утвердившейся практикой передачи отцовских поместий сыновьям (то есть практикой фактического наследования) эта уступка привела к тому, что поместное дворянство стало более независимым от государства. Благодаря этой относительной независимости дворянство является не только частью государства, но и частью элиты – то есть у дворянства появляются свои собственные интересы, отличные и даже противоположные интересам государства. Например, помещики крайне заинтересованы в повышении своей ренты с крестьян – и в частности, за счет сокращения государственных налогов. Однако увеличить ренту можно лишь в том случае, если крестьяне лишены возможности покинуть поместье – то есть путем введения крепостного права. Государство также заинтересовано в прикреплении крестьян к земле, чтобы обеспечить сбор налогов и военную службу помещиков. Таким образом, на первый план вышел вопрос о крепостном праве.

2.3.4. Социальные последствия катастроф: опыт Европы

Кризис Российского государства в 1570-1580-е годы был обусловлен последствиями демографической катастрофы – острой нехваткой рабочей силы, запустением поместий, оскудением дворянства и финансовым кризисом государства. В рамках неомальтузианской концепции демографическая катастрофа 1568-1571 годов и ее последствия могут сравниваться с другими экосоциальными кризисами, в которых, как утверждает теория, демографический и экономический механизм кризиса должен был работать аналогичным образом. По самой своей сути неомальтузианский подход предполагает компаративный анализ, и мы воспользуемся этой возможностью для прояснения вопроса о последствиях катастрофы. Как отмечалось выше, эти последствия могут быть сопоставлены с явлениями, наблюдавшимися в Европе после Великой Чумы середины XIV века. В связи с этим представляется полезным обратиться к анализу тех социаль-

ных сдвигов, которые последовали в Европе за «Черной Смертью». Анализ социальных последствий Великой Чумы, был дан, в частности, П. Фриденом в шестом томе «Кембриджской новой средневековой истории»²¹⁷.

Черная Смерть привела к глубоким социально-экономическим переменам, но эти перемены имели различный характер в разных странах. В Англии к этому времени большинство населения составляли малоземельные и безземельные крестьяне, по существу, сельскохозяйственные рабочие, занимавшиеся обрабатывать поля землевладельцев. Почувствовав благоприятную ситуацию, эти «рабочие» (laboratories) стали переходить с места на место в поисках хозяина, который предложит лучшие условия. В ответ власти прибегли к изданию законов против «наглости и корыстолюбия» работников. По «статуту о рабочих» 1351 года, они не должны были уходить из своей деревни, если в округе был наниматель, предлагавший им установленную статутом (прежнюю, существовавшую до катастрофы) плату. Позднее был издан закон о сыске беглых, а также определены правила, по которым рабочий мог уходить из родных мест только с письменного разрешения властей. *Д. М. Петрушевский прямо называет эти законы закрепощением*²¹⁸. Имели место и другие проявления «сеньориальной реакции», когда сеньоры вспоминали свои давно забытые «права», переводили крестьян с оброка на барщину или насильно сажали их на опустевшие барщинные надель (а барщина была признаком крепостного статуса). Эта попытка закрепощения столкнулась с возросшим самоуважением простолюдинов, с их надеждами повысить свой статус и привела к восстанию Уота Тайлера. Историки называют это восстание «революцией растущих надежд»²¹⁹, и, хотя восстание было подавлено, оно не позволило дворянству осуществить закрепощение работников. По мнению некоторых исследователей причиной конечного успеха английского крестьянства было то, что крестьяне имели мощное оружие обороны – «Большой Лук», стрела которого пробивала рыцарские латы²²⁰. В итоге, экономический процесс реализовался в полном соответствии с неомальтузианской теорией: уровень потребления крестьян увеличился, а уровень ренты упал, и английское дворянство было вынуждено увеличивать свои доходы другим способом. Далее, также в соответствии теорией, в условиях острого недостатка доходов элита стала фрагментироваться и распалась на группировки, которые вступили в борьбу за ресурсы между собой и с государством. В Англии начался долгий период междоусобных войн, известных как «Войны Алой и Белой розы».

Во Франции сеньориальная реакция также вызвала большое восстание, «жакерию», и также закончилась неудачей, а затем начался период междоусобиц и внешних войн. Однако в других странах – там, где не было Большого Лука, – ситуация сложилась иначе. Дворянская элита использовала свое военное превосходство, чтобы остановить действие мальтузианского механизма путем трансформации отношений внутри структуры «государство-элита-народ» и резкого перераспределения доходов в свою

пользу. Эта *трансформация структуры* включала захват элитой политической власти и введение крепостного права.

Крепостное право одержало победу в Каталонии, Пруссии, в Ливонии, на датских островах. В Ливонии прикрепление крестьян было оформлено в 1509 году, причем исследователи напрямую связывают этот факт с катастрофической нехваткой рабочей силы, возникшей после страшного мора 1504 года (когда погибла половина населения страны). Ливонские дворяне могли продавать своих крестьян; они обладали над ними высшей судебной властью²²¹.

Характерным примером развития событий является Дания – традиционный союзник Московского государства. Эта страна служила для России в некотором роде образцом «цивилизованной европейской нации», а между тем к XVI веку датские крестьяне были обращены в рабов, их продавали семьями и в разбивку, они подлежали помещичьему суду. Крестьянство не раз восставало против попыток порабощения; последнее такое восстание произошло в 1534 году, когда простой народ поддержал короля Кристиана II, попытавшегося отменить рабство. Восстание закончилось поражением, король был взят в плен, и дворянство окончательно восторжествовало. В XVI веке дворянский совет, «риксрод», избирал и низлагал королей и фактически управлял государством; при избрании на престол короли в особой «капитуляции» подтверждали вольности датского дворянства – в том числе даже право мятежа²²².

В Венгрии и Польше вопрос о крепостном праве также был частью борьбы дворянства за политическую власть; он решался в ходе дворянских мятежей, «рокошей». Венгерские «рокоши» в конце XV века привели к тому, что все дворяне добились права личного участия в государственном собрании; это собрание утверждало законы, вотирировало налоги и выбирало королей. Дворянское собрание стало вводить «заповедные годы» и запрещать крестьянский выход; повинности резко возросли. Крестьяне сопротивлялись угнетению тем же способом, что и в России – сокращали величину тяглового надела. Француз Шок де Бретань писал в 1503 году, что венгерские дворяне приравнивают крестьян к скоту и жестоко обращаются с ними; другой современник прямо называл венгерских крестьян рабами. В 1514 году крестьяне поднялись на восстание; их вождь Дьёдь Дожа призывал крестьян «сбросить ярмо рабства». Восстание было подавлено, и крестьяне были «закрепощены навечно», однако дворянское собрание сочло разумным ограничить барщинные повинности одним днем в неделю. Позднее турки освободили крестьян в завоеванных ими областях Венгрии, а в остальной части страны ограничения барщины были постепенно отменены, и положение крестьян действительно приблизилось к положению рабов²²³.

Наиболее важным для России был пример Польши – после побед Стефана Батория в России резко усилилась тенденция к перениманию польских порядков. Польша имела много общего с Венгрией – здесь также было много свободной земли и мало рабочих рук (ведь чумные эпидемии

продолжались до середины XV века). Польская шляхта пришла к власти примерно в одно время с венгерским дворянством. После мятежа шляхты в лагере под Нешавой в 1454 году король был вынужден утвердить так называемые «Нешавские статуты» – первую польскую конституцию. С этих пор дворянство собиралось на сеймы, выбирало королей и вотивало субсидии на ведение войны; если на сейме не достигалось согласия, то по «безнарядным» польским обычаям недовольная сторона могла поднять вооруженный мятеж. Дворянство свободно владело землями, могло их покупать и продавать, и это владение не было обусловлено службой. Все это составляло понятие польской «свободы», «золотой вольности». Обратной стороной шляхетской свободы было крестьянское рабство. Захватив власть, шляхта постепенно и медленно (в отличие от венгерских дворян) стала закрепощать крестьян. Крестьянский выход, ограниченный статутом 1496 года, был полностью запрещен только в 1540-х годах. Барщина, поначалу составлявшая один день в неделю, перестала нормироваться в середине столетия и к концу столетия обычно составляла 3-4 дня в неделю с половинного надела. На исходе XVI века крестьян официально именовали рабами («холопами»), «сыновьями Хама». Холопы принадлежали пану; их продавали и покупали; они должны были исполнять все приказы пана, выходить на барщину и нести оброки, как скажет пан. Шляхта вела обширное фольварочное хозяйство, и большую часть недели крестьяне обрабатывали земли своих хозяев. Крестьяне подлежали суду пана, и приговор не мог быть обжалован; по приказу пана крестьянина могли сечь плетью до смерти. «Крестьяне, – подданные своих господ, которые распоряжаются их жизнью и смертью», – писал папский нунций из Польши в 1565 году. «У них, без всякой с их стороны провинности, господа по своему произволу отбирают землю и все имущество и, как принято в некоторых поветах, продают их, как скот», – свидетельствует Ян Можевский. «Разгневанный помещик... не только разграбит все, что есть у бедняка, но и убьет его – когда захочет и как захочет», – говорил иезуит Петр Скарга²²⁴.

В сопредельных Венгрии и Польше дунайских княжествах, в Молдавии и Валахии, в конце XVI века также происходит прикрепление крестьян. В 1591-1592 годах в Молдавии была проведена перепись, и крестьяне были закреплены за их господами-землевладельцами; около 1595 года подобная реформа была проведена в Валахии. Характерно, что одновременно с запретом выхода были законодательно зафиксированы повинности молдавских крестьян – причем на довольно низком уровне: барщина составляла не более 12 дней в году. Низкий уровень повинностей в пользу землевладельца объяснялся высокими налогами, которые молдавские крестьяне платили своему господарю (в Венгрии и Польше крепостные ничего не платили в казну). В данном случае мы видим пример государственного закрепощения, когда оно осуществляется не столько в интересах дворянства, сколько в интересах центральной власти²²⁵.

Обзор последствий Черной Смерти, сделанный П. Фридменом, показывает, что стремление дворянства восстановить свои уменьшившиеся дохо-

ды вызвало попытки закрепощения крестьян во всей Европе, и во многих странах эти попытки увенчались успехом.

Таким образом, были возможны два варианта развития: в «восточноевропейском» варианте (осуществившемся, впрочем, и в некоторых западных странах) дворянство ответило на падение своих доходов захватом власти и введением крепостного права, то есть радикальной *трансформацией структуры* «государство-элита-народ» и резким перераспределением ресурсов в свою пользу. В другом, «западноевропейском» варианте дворянство оказалось не в состоянии произвести трансформацию структуры и остановить мальтузианское развитие событий. В этом случае падение доходов дворянства привело к его расколу на группировки, которые начинали междоусобную борьбу за ресурсы. Войны продолжались до тех пор, пока численность дворянства не уменьшалась, что позволяло восстановить равновесие между численностью элиты и численностью населения. Оба эти варианта развития событий могут быть объяснены в рамках демографически-структурной теории.

2.3.5. Депрессия

Как показывает пример Англии, механизм кризиса, запущенный демографической катастрофой, работал довольно медленно: между Черной Смертью и восстанием Уота Тайлера прошло 33 года. В России демографической катастрофы и Смута были разделены таким же временным промежутком, как и в Англии; это было время неустойчивой депрессии, когда государство и элита пытались сопротивляться падению доходов путем увеличения налогов и постепенного введения крепостнических порядков.

С точки зрения демографически-структурной теории в этот период на первый план вышла политическая борьба за перераспределение ресурсов. В России после смерти Ивана Грозного сложилась ситуация, в которой ослабшая монархия подвергалась натиску с разных направлений. С одной стороны, аристократия пыталась взять реванш, вернуть свои огромные вотчины и свое положение в государственном аппарате и при дворе. С другой стороны, обедневшее дворянство просило и требовало поддержки и перераспределения ресурсов в свою пользу; от решения этой проблемы напрямую зависела боеспособность войска, и путь к решению этой проблемы лежал через закрепощение крестьян. Наконец, государство само было заинтересовано в прикреплении крестьян к земле, чтобы обеспечить сбор налогов.

Первым конфликтом, прорвавшимся на поверхность после смерти грозного царя, был старый конфликт между государством и боярской аристократией. Боярская партия сразу подняла голову и начала атаку на ближайших сподвижников Ивана IV. Прежде всего, оппозиция добились ликвидации «дворовой охраны» – прежнего опричного корпуса. Была объявлена амнистия и из тюрем вышли враги Грозного, князья и бояре, которые сумели выжить; им вернули отобранные поместья²²⁶.

Однако партия, связанная с «дворовой охраной», продолжала оказывать сопротивление; ее руководителем стал Борис Годунов. Годунов был

братом царицы Ирины, и с ее помощью ему удалось подчинить своему влиянию безвольного царя Федора. Борьба с боярами носила ожесточенный характер; знать спровоцировала волнения в Москве; толпа пыталась взять приступом укрепленное подворье Годунова – однако штурм был отбит; глава заговора князь Иван Шуйский был отправлен в ссылку. Победа бывшего опричника была обусловлена тем, что после казней Ивана Грозного бояре уже не обладали той силой, что прежде. По утверждению Р. С. Скрынникова, политика Годунова напоминала опричнину, знать подвергалась гонениям, были конфискованы уделы Симеона Тверского и Марии Старицкой²²⁷. Исаак Масса называл правление Годунова «великой тайной тиранией» и говорил, что эта «тирания» «погубила все знатные роды» (что, конечно, было преувеличением)²²⁸.

В итоге, Годунову удалось на время отразить контрнаступление боярской аристократии и поддержать государственную стабильность. Царский шурин стал официально именоваться «правителем» России; он принимал послов, замещая на церемониях царя. Вместе с тем, «правитель» считал необходимым пойти на определенные уступки. Персональный состав государственного двора был пересмотрен, и худородные опричники были вынуждены уступить первые места потомственной знати²²⁹. Тем не менее, существовавший еще с середины XVI столетия раскол элиты сохранялся, и бояре по-прежнему находились в оппозиции к опиравшемуся на дворянство правительству Годунова.

Первые экономические мероприятия Бориса Годунова следовали линии, намеченной Иваном Грозным, – требовалось восстановить финансовую систему государства и завершить перепись, начатую в 1581 году. К концу 1580-х годов правительству удалось наладить сбор налогов в соответствии с результатами новой переписи. К этому времени относятся первые надежные сведения о доходах и расходах государственного бюджета, представляющие интерес в плане демографически-структурного анализа и оценки реальной мощи русского государства того времени. Дж. Флетчер перечисляет доходы русского государства в 1588/89 году: подати с «сох» составляли 400 тыс. рублей, доходы дворцового хозяйства 230 тыс. руб., но самую большую прибыль давали таможенные и судебные пошлины и кабаки – около 800 тыс. рублей²³⁰. В целом доходы составляли 1430 тысяч рублей, что при пересчете на рожь по средней цене 1580-90-х годов 44 деньги за четверть эквивалентно 26 млн. пудов. Если принять численность населения в этот период ориентировочно в 6 млн. человек (допуская его уменьшение за время кризиса с 9-10 до 6 млн.), то душевой налог с сох составит 1,2 пуда (что примерно согласуется с данными по Бежецкой пятине²³¹), а общие государственные доходы в расчете на душу населения – 4,3 пуда. Налогообложение, было, конечно, много ниже, чем во времена Ивана Грозного (см. рис. 2.1), но все же выше, чем в эпоху ослабления государства в XVII веке: в 1680 году доходы на душу населения в пересчете на хлеб составляли 2,5 пуда, а прямые налоги с души – 1 пуд (см. рис. 4.4).

Флетчер приводит также данные о численности московского войска: 80 тыс. всадников получали ежегодное жалование (в придачу к поместьям), причем 65 тыс. из них ежегодно выходили нести сторожевую службу на южной границе²³². По сравнению с временами Василия III, когда службу на южной границе несли 20 тысяч всадников, количество конницы увеличилось в 3-4 раза. Можно предположить, что и численность дворян увеличилась в такой же пропорции, в то время как население страны после пережитой демографической катастрофы, по-видимому, не превосходило той численности, которая была при Василии III. Могло ли это население обеспечивать увеличившейся в 3-4 раза элите прежние доходы? Очевидно, не могло бы, даже если бы, закрепостив крестьян, помещики увеличили ренту до прежнего, или, скажем, вдвое более высокого уровня. *Таким образом, демографическая катастрофа нарушила равновесие между численностью элиты и численностью населения, и это равновесие могло быть восстановлено только уменьшением численности дворянства.* Как отмечалось выше, история Англии и Франции подсказывает, каким образом могло быть осуществлено такое уменьшение: это путь внутренних войн, когда дворянство распадается на враждебные группировки и воюет само с собой.

Таким образом, представляется сомнительным, что политика закрепощения могла кардинальным образом улучшить положение дворянства и спасти страну от междоусобной войны. Однако Годунов был обречен проводить эту политику: находясь в конфликте с аристократией, он, естественным образом, искал поддержки у дворянства²³³. Это проявилось уже при проведении переписи 1580-х годов. Прежде в переписных листах подробно расписывались все барщины и оброки, полагающиеся с крестьян помещику. В 80-х годах такая роспись не делалась – таким образом, правительство утвердило тот порядок, который сложился после катастрофы, признало право помещиков увеличивать повинности по своему произволу. Кроме того, как отмечалось выше, одновременно с проведением переписи во многих районах временно объявлялись «заповедные лета» – крестьянам (и горожанам) запрещалось менять место жительства вплоть «до государева указа». В результате, помещики при желании могли увеличивать оброки до прежнего, бывшего до катастрофы, уровня, и крестьяне не имели права уходить от них. Эти указы по сути были близки тем законам, которые приняло английское правительство после Великой Чумы – как отмечалось выше, парламент запретил крестьянам уходить из своих деревень и обязал их работать за прежнюю плату. Еще один указ освобождал от налогов усадебную пашню помещиков с тем, чтобы они могли беспрепятственно расширять свое барщинное хозяйство²³⁴.

Перемена правительственной политики была сразу же замечена современниками. «Кроме податей... налагаемых царем, – писал Дж. Флетчер, – простой народ подвержен такому грабежу и таким поборам от дворян... что вам случается видеть многие деревни и города, в полмили или в целую милю длины, совершенно пустые, весь народ разбежался по другим местам от дурного с ним обращения и насилий»²³⁵. Конечно, Дж. Флетчер прав

лишь отчасти, народ разбежался не только от насилий – пользуясь нехваткой рабочей силы, многие крестьяне искали лучших условий в монастырских владениях или в южных районах. Последние десятилетия XVI века были наполнены борьбой между правительством, землевладельцами и крестьянами. Крестьяне (несмотря на «заповедные годы») пытались уйти туда, где им сократят тяглый надел и дадут возможность обрабатывать землю за малый оброк. Малоземельные помещики старались удержать, закрепить своих крестьян, увеличить их повинности и при этом платить поменьше налогов. Крупные землевладельцы (в том числе монастыри) переманивали к себе крестьян, сокращая их тяглые наделы. Это приводило к уменьшению учтенной пахотной площади (вытей), и правительство отвечало увеличением налога на оставшиеся выти²³⁶.

Каков был результат этой борьбы? Прежде всего, очевидно, что до введения крепостного права крестьян было трудно удержать; они уходили на земли крупных владельцев и в южные области – в особенности из северных районов. В Бежецкой пятине в 1584-1594 году численность населения не только не увеличилась, но существенно уменьшилась. С другой стороны, население некоторых расположенных по соседству волостей Троице-Сергиева монастыря увеличилось втрое²³⁷. В Вологодском уезде в 1583-1590 годах пашня сократилась вдвое, в Московском уезде в 1585 году обрабатывалась лишь 1/8 часть посевных площадей²³⁸. Таким образом, первым результатом борьбы было усугубляющееся запустение северных и центральных районов – и быстрая колонизация Юга.

Выдавливаемые из родных мест налогами и помещичьим произволом крестьяне толпами уходили на юг и на юго-восток, на благодатные земли Черноземья и Поволжья²³⁹. После 1584 года восстания в Поволжье, наконец, стихли; на время прекратились татарские набеги. Победы Ивана Грозного, в конце концов, стали приносить плоды – обширные области на юге и юго-востоке стали более доступны для земледельческой колонизации. В 80-х годах в южные степи устремились массы переселенцев; они возводили крепости и распахиляли вокруг них целинные земли. Население центральной России, писал Ю. Готье, «неудержимым потоком двинулось на черноземную новь, так легко и так богато в первое время вознаграждавшую земледельческий труд»²⁴⁰. В 1585 году были построены крепости Ливны, Елец, Воронеж, в 1586 году – Самара, в 1589 году – Царицын, в 1590 году – Саратов, Цивильск, Ядринск, в 1593 году – Оскол, Валуйки и, наконец, в 1599 году – Царев-Борисов. Мощная крепость Царев-Борисов обозначила новый южный рубеж Московского царства, она располагалась на сотни верст южнее старой границы. Темпы колонизации были таковы, что за 4 года (1585-1589) размеры пашни в Тульском уезде увеличились более чем в 2 раза; в Каширском уезде к 1589 году было распаханно уже 2/3 всех земель, в Свияжском уезде – до 9/10²⁴¹.

На колонизируемых землях Юга обстановка была совсем иной, чем в центральных областях государства. Черноземная целина давала огромные урожаи – в 3, в 4, в 5 раз больше, чем в Центре; земли было так много, что

писцы не могли наладить учет. Зачастую крестьяне пахали землю «наездом», пахали, сколько хотели и меняли поля, как хотели. Поселенцы Юга жили зажиточно; в источниках встречаются упоминания о хозяйствах с 6 лошадьми, о многолетних запасах зерна, о сборах в одном хозяйстве 80, 100, 150 четвертей ржи (одному человеку на год хватало 4 четвертей). Татарские набеги заставляли крестьян быть одновременно и воинами. Крестьяне селились вокруг крепостей, и многие из них числились в гарнизо-нах как «служилые люди по прибору»: «казаки», «стрельцы», «сторожи», «ездоки». Эти воины отличались от дворян тем, что они были преимущественно пешими стрелками, вооруженными огнестрельным оружием, пищальми. Пищаль была «демократическим», сравнительно дешевым и не требующим длительного обучения оружием. Таким образом, появление пищалей в сочетании с условиями степной границы привело к появлению новой сословной группы, которую можно обобщенно называть «казаками»²⁴².

Казаки получали от властей земельные оклады – в Орловском уезде 50 четвертей в одном поле, то есть 75 десятин. Особое положение казаков было характерно также и тем, что власти довольно часто переводили их в разряд детей боярских. Впрочем, дворяне южных областей почти не отличались своим положением от казаков, так, в Рязанском крае половина дворян имела поместья менее 60 десятин. Большинство из этих дворян не имело крестьян; они сами «раздирали» целину сохами и были столь бедны, что не имели доспехов, а иногда и боевых коней. Некоторые из них числились «пищальникам», и воевали, как казаки, в пешем строю. Не удивительно при этом, что южные дворяне были недовольны своим положением и часто жаловались властям. Особое недовольство вызывало то обстоятельство, что власти завели на юге государеву «десятинную пашню», и, поскольку крестьян не хватало, то они заставляли работать на барщине казаков и детей боярских. Кроме того, дворянам приходилось принимать участие в широко развернувшемся в это время строительстве новых крепостей²⁴³.

Тяжелое положение южного дворянства было одной из причин того, что в будущей гражданской войне оно часто выступало против правительства вместе с казаками и крестьянами. Таким образом, в дополнение к старой вражде между дворянами и боярами, наметился раскол внутри дворянства: с одной стороны, основная часть поместного дворянства поддерживала Годунова; с другой стороны, беднейшая часть дворянства была готова восстать против правительства – происходила предсказываемая демографически-структурной теорией *фрагментация элиты*.

2.3.6. Трансформация структуры: начало закрепощения

Несмотря на введение «заповедных лет» крестьяне продолжали уходить из дворянских поместий, и остановить бегство могло лишь полное запрещение крестьянских переходов – то есть введение крепостного права. «Богатые землевладельцы большими льготами переманивали к себе крестьян мелких землевладельцев, помещиков, – писал С. М. Соловьев, – по-

следние, лишаемые возможности обрабатывать свои земли, не могли нести обязанностей службы... последовало запрещение крестьянам переходить от одного землевладельца к другому». Исходная причина этого явления, продолжает С. М. Соловьев, заключалась в недостатке рабочих рук²⁴⁴. Таким образом, как отмечалось выше, закрепощение находит свое объяснение в рамках демографически-структурной теории.

В. И. Корецкий предпринял попытку доказать, что в 1592/93 годах был издан указ, запрещающий крестьянский выход и прикреплявший крестьян к земле и к землевладельцу на основании писцовых книг 80-х-начала 90-х годов²⁴⁵. Р. Г. Скрынников, В. М. Панях, Г. Н. Анпилогов полагают, что прикрепление крестьян было осуществлено постепенно на базе указов о «заповедных годах»²⁴⁶. Как бы то ни было, к 1597 году прикрепление стало юридическим фактом: в этом году был установлен 5-летний срок сыска беглых²⁴⁷. При царе Василии Шуйском, в 1607 году, Поместный приказ издал пространное Уложение о крестьянах, которому предшествует своего рода историческая справка. «При царе Иване Васильевиче... – утверждали приказные дьяки, – крестьяне выход имели вольный, а царь Федор Иванович по наговору Бориса Годунова, не слушая советов старейших бояр, выход крестьянам заказал, и у кого колико тогда крестьян было, книги училил»²⁴⁸. В запрещении выхода была заинтересована основная масса дворян, мелкие помещики и вотчинники, у которых было мало крестьян и которые поэтому были вынуждены обременять их высокими оброками. Бояре (так же, как магнаты в Польше и Венгрии) противились прикреплению крестьян, потому что имели возможность понижать оброки и переманивать пахарей из чужих имений. Таким образом, вопрос о крепостном праве стал еще одной линией конфронтации между боярами и дворянами. В конечном счете, речь шла о борьбе за ресурсы и доходы, резко сократившиеся после катастрофы; в соответствии с демографически-структурной теорией эта борьба фрагментировала элиту, заставляла одни группы выступать против других и подталкивала страну к междоусобной войне.

Прикрепление крестьян к земле служило не только помещичьим интересам, но и фискальным интересам государства²⁴⁹. Однако если бы государственный интерес был преобладающим, то следовало бы ожидать, что государство, запрещая выход крестьян, ограничило их оброки в пользу помещика (как это было в Молдавии). Действительно, австрийский агент Штиль свидетельствует, что Годунов имел такое намерение²⁵⁰, и в 1601 году по царскому указу в монастырях была введена единая норма барщины – но на помещичьих землях это ограничение не стало реальностью²⁵¹.

Каков был результат введения крепостного права? Закрепощение дало землевладельцу возможность увеличивать ренту, и попытка такого рода имела место в Иосифо-Волоколамском монастыре. Увеличение барщины до 1,5 десятин на выть вызвало крестьянские волнения, и, в конечном счете, руководство монастыря было вынуждено вернуться к старым порядкам²⁵². Однако наступление на крестьян продолжалось и принимало централизованные формы: в 1601-1603 годах во многих монастырях царскими

указами барщина была установлена в 2 десятины с выги. Таким образом, можно констатировать двойной рост выгтных норм барщины на монастырских землях в первое десятилетие после закрепощения²⁵³. Отмечается также и уменьшение реальной оплаты монастырских работников: хотя номинально она составляла, как и раньше, 1 рубль в год²⁵⁴, с учетом роста цен плата упала примерно в полтора раза – до 2,1 кг хлеба в день.

Однако остается самый важный вопрос: как изменилась жизнь помещичьих крестьян? Ответ на этот вопрос затруднен недостатком материалов в источниках²⁵⁵. Однако некоторые выводы вполне очевидны. Во-первых, дворяне добились своей главной цели, запрещения крестьянских переходов. «К началу XVI века, судя по материалам приказного делопроизводства, крепостной порядок действовал безотказно», – пишет В. И. Корецкий²⁵⁶. Указ о закрепощении запрещал выход хозяев-дворовладельцев и не касался их сыновей и младших братьев – однако помещики не считались с этим обстоятельством. Крестьян, пытавшихся уйти от помещика, заковывали в «железа», захватывали их имущество, их жен и детей. Закрепощение сразу же привело к помещичьему произволу и жестокому насилию над крестьянами. Уже в 1590-х годах отмечались факты замаскированной купли-продажи крестьян²⁵⁷. Очевидно, положение в разных поместьях было неодинаковым, многое зависело от личности помещика. Однако факт заключался в том, что крепостное право позволило помещикам увеличивать повинности и оброки крестьян. Достаточно одного примера, чтобы показать, какими могли быть эти повинности. В трех деревнях ничем не примечательного помещика Степана Рахманова на новгородчине в 1599 году имелось 13 крестьянских дворов и 2 выги тяглой земли. Крестьяне в этом поместье несли барщину и платили 860 денег оброка с выги; если же они хотели откупиться от барщины, то оброк увеличивался вдвое, до 1730 денег²⁵⁸. При пересчете на хлеб получается примерно 20 пудов на двор; это в два раза больше, чем в дворцовых и монастырских владениях. Таким образом, введение крепостного права нарушило стабилизирующий механизм рынка рабочей силы и привело к тому, что в одних владениях уровень ренты мог быть в два раза выше, чем в других.

Вместе с тем, необходимо отметить, что в контексте демографически-структурной теории введение крепостного права означало *трансформацию структуры* – создание новых отношений внутри структуры «государство-элита-народ». Эта трансформация выражалась в том, что народ становился зависим от элиты, которая получала право устанавливать уровень ренты по своему произволу, независимо от экономических факторов.

2.3.7. Голод 1601-1603 годов

В контексте демографически-структурной теории введение крепостного права привело к перераспределению ресурсов в пользу дворянства и государства и к уменьшению ресурсов народа – то есть к сокращению экологической ниши. С точки зрения теории, создававшаяся ситуация была аналогична ситуации 1560-х годов – только тогда средства существования у

народа отнимало государство, а теперь это делали дворяне с позволения государства. Разница состояла в том, что в 1560-х годах общество находилось в состоянии Сжатия, и у крестьян было мало земли; они не могли предоставить государству требуемые у них ресурсы. Теперь же, после катастрофы, земли было достаточно и крестьяне, в принципе, могли увеличить запашку, чтобы удовлетворить разумные требования помещиков. Но были ли эти требования разумными? Мелкие помещики имели лишь несколько крестьянских дворов, и, тем не менее, им нужно было каждый год снаряжаться в поход. Степан Рахманов был по тем временам богатым помещиком, у него было 13 крестьянских дворов. В Тульском уезде средний помещик имел 4 двора²⁵⁹ – что оставалось делать этому нищему воину? Мелкие и средние помещики были вынуждены отнимать у крестьян весь прибавочный продукт, не оставляя им никаких запасов. В случае большого неурожая такое положение было чревато страшным голодом – а ведь большой неурожай случался на Руси каждые 6-7 лет.

Лето 1601 года выдалось холодным и сырым, уже в начале сентября выпал снег, и крестьяне смогли собрать лишь малую часть урожая – а то, что собрали, – это была «зяблая», недозревшая и помороженная рожь. В прежние времена, когда у крестьян были запасы хлеба, один неурожай не смог бы вызвать голод. Теперь же сразу начались большие волнения, и под впечатлением этих волнений уже в ноябре 1601 года правительство издало указ о крестьянском выходе. Указ разрешал крестьянам уходить от бесхлебных провинциальных дворян, но не позволял уходить из монастырей, из дворцовых имений и от богатых московских дворян. Адрес грядущей беды был обозначен очень точно: *правительство понимало, что крестьяне мелких провинциальных помещиков не имеют запасов, что им грозит голод*. Голод еще не начался – но царь понимал, что грядущий голод будет следствием политики закрепощения. Годунов пытался спасти крестьян, отменив (хотя бы на время) крепостное право, разрешив им уходить от своих корыстных хозяев²⁶⁰. Дело в том, что в стране был хлеб: во-первых, неурожай был не повсеместным; к примеру, на Вологодчине в тот год урожайность ржи была сам-3,6, почти как обычно²⁶¹. Во-вторых, сохранение запасов хлеба на случай голода было давней традицией, поэтому у помещиков побогаче, у монастырей, у некоторых крестьян были многолетние запасы хлеба. В Иосифо-Волоколамском монастыре были запасы хлеба на 3 года, в Кирилло-Белозерском монастыре – на шесть лет²⁶². «Запасов хлеба в стране было больше, чем могли бы его съесть все жители в четыре года... – свидетельствует Исаак Масса, – у знатных господ, а также в монастырях и у многих богатых людей амбары были полны хлеба, часть его погнила от долголетнего лежания, и они не хотели продавать его... Многие богатые крестьяне, у которых были большие запасы хлеба, зарыли его в ямы и не осмеливались продавать...»²⁶³ «Царь снарядил розыск по всей стране, не найдется ли запасов хлеба, – пишет Конрад Буссов, – и тогда обнаружили несказанно много скирд зерна в 100 и больше сажень длиной, которые 50 и больше лет простояли не вымолоченные в полях, так что

сквозь них росли деревья»²⁶⁴. Авраамий Палицын говорит, что и после голода в полях стояли старые скирды хлеба²⁶⁵.

Таким образом, при всех своих масштабах, голод имел избирательный характер – он поразил в первую очередь крепостных, принадлежавших мелким провинциальным помещикам, у которых их хозяева отнимали весь прибавочный продукт, и которые поэтому не имели запасов зерна.

Годунов обращался с призывами к владельцам хлеба, требовал, чтобы хлеб продавали по более дешевой цене, но царь не мог настоять на выполнении своих распоряжений²⁶⁶. Богатые помещики ожидали дальнейшего повышения цен, а бедные помещики, в свою очередь, не отпускали своих крестьян. «Те дети боярские отказчиков бьют и в железа куют», – свидетельствует один их документов того времени²⁶⁷. Указ 1602 года, подтверждавший право выхода, признавал, что дети боярские силой держат за собой крестьян²⁶⁸. Голодная смерть крестьянина была выгоднее для помещика, нежели его уход со всей семьей и с имуществом. Холопов прогоняли со двора, чтобы они не просили хлеба, но при этом не давали им вольной – чтобы потом, если холоп выживет, предъявить на него свои права²⁶⁹.

Повышение цен началось сразу же после неурожая, весной 1601 года четверть ржи в центральных районах стоила 30-32 деньги, а осенью – 60-70 денег. В феврале 1602 года цена достигла одного рубля (то есть 200 денег)²⁷⁰. Весной неожиданно грянувший мороз погубил посевы озимых – нужно было пересевать поля. Но у многих крестьян не оказалось запасов семенного зерна, и пересев производился «зяблыми семенами». Минимальный посевной запас семян старых урожаев мог бы спасти крестьян – теперь же наступила катастрофа. «Зяблые семена» не взошли, разразился страшный голод. Осенью 1602 года цена ржи достигла 3 рублей за четверть, и у многих крестьян попросту не было зерна для посева озимых. В 1603 году погода была хорошая – но поля стояли пустыми, и голод продолжался²⁷¹. Таким образом, катастрофа не была следствием «трехлетних проливных дождей», как полагают некоторые авторы – в действительности дожди шли лишь один год и вызвали один неурожай (1601 года). Но поскольку у закрепощенных крестьян не было минимальных хлебных запасов, то *один* неурожай породил страшный *трехлетний* голод. Причина катастрофы была не только в погодных условиях; катастрофа была в значительной степени следствием введения крепостного права.

Р. Г. Скрынников и Р. Крами объясняют голод 1601-1603 годов глобальными климатическими изменениями: похолоданием XVI века, пик которого пришелся на 1591-1620 годы²⁷². Действительно, средняя летняя температура уменьшилась на протяжении столетия на 0,8 градуса. Однако, как отмечалось выше, изменение температуры практически не коррелирует с частотой больших неурожаев (см. п. 1.2.2). В частности, используя те же материалы, которые использовал Р. Г. Скрынников, можно указать на то обстоятельство, что значительное похолодание отмечалось также в 1526-1530 и 1639-1643 годах, но в это время не отмечалось неурожаев и голода²⁷³. Р. Крами, склонный объяснять всю динамику населения в XVI-XVII веках влиянием неурожаев и эпидемий, в то же время вынужден признать, что эти факторы не влияли на устойчивый рост населения в XVII веке (после Смуты)²⁷⁴.

«В то время, по воле божией, по всей московской земле наступила такая дороговизна и голод, что подобного не приходилось описывать ни одному историку... – свидетельствует Исаак Масса. – Так что даже матери ели своих детей... ели также мякину, кошек и собак... И на всех дорогах лежали люди, помершие от голода, и тела их пожирали волки и лисы...»²⁷⁵ Борис Годунов распорядился выдавать в Москве милостыню голодающим, это вызвало приток в столицу населения из окрестных областей. Ресурсы казны вскоре иссякли, и, не получив помощи, голодающие умирали на улицах столицы. Авраамий Палицын сообщает, что в Москве в трех скудельницах было похоронено 127 тысяч погибших от голода²⁷⁶. Один из свидетелей голода писал, что «вымерла треть царства Московского голодной смертью»²⁷⁷.

Голодающие не имели иных средств к существованию, кроме разбоя, они собирались в отряды, нападали на дома богатых крестьян и на помещичьи усадьбы. «...Из-за ужасной дороговизны и голода начались столь страшные, бесчеловечные и в некоторых местностях никогда неслыханные убийства», – свидетельствует К. Буссов²⁷⁸. Поэтому крестьяне, имевшие излишки хлеба, предпочитали прятать зерно в ямы, и даже в Москве хлеб на рынок, опасаясь нападений, вывозили тайком. С осени 1602 года «разбоями» были охвачены многие районы страны, сохранились сведения о посылке карательных отрядов во Владимир, Волоколамск, Вязьму, Можайск, Медынь, Ржев, Коломну²⁷⁹. Летопись говорит, что царь Борис не мог справиться с «разбойниками»: «посылаша многожда на них и ничево им не можаху сотворити»²⁸⁰. «И бысть велие насилие, – писал очевидец событий, – много богатых домов грабили и разбивали и зажигали...»²⁸¹ Многие исследователи считают это стихийное повстанческое движение первой вспышкой начинавшейся гражданской войны²⁸².

Таким образом, демографическая катастрофа 1601-1603 годов находит следующее объяснение в рамках демографически-структурной теории. Кризис 1568-1571 годов привел к резкому уменьшению численности крестьянства, что в соответствии с неомальтузианской концепцией обусловило резкое уменьшение ренты и налогов и перераспределение ресурсов в пользу крестьянства и в ущерб государству и элите. Под давлением элиты государство осуществило закрепощение крестьян; это позволило помещикам увеличивать ренту по своему произволу. Мелкие помещики, вынуждаемые необходимостью ежегодно снаряжаться на войну, стали отнимать у своих крестьян весь прибавочный продукт, не оставляя запасов на случай голода. Поэтому неурожай 1601 года вызвал страшный голод, который в первую очередь поразил помещичьих крестьян. В итоге, можно утверждать, что катастрофа 1601-1603 года и последовавшая за ней гражданская война, в конечном счете, были следствием кризиса 1568-1571 годов.

2.3.8. Брейкдаун и гражданская война

Голод 1601-1603 годов подготовил почву для гражданской войны. Во время голода массы голодающих искали спасения на хлебобордном юге²⁸³.

На южных окраинах крестьяне имели большие запасы зерна, и местное население не знало голода. Наплыв беженцев вызвал и здесь повышение цен; в 1603 году четверть ржи стоила в Курске 150-180 денег, но все же эта цена была в 3-4 раза меньше, чем в Москве²⁸⁴. Юг был переполнен беженцами, которые ушли от своих помещиков без уплаты выхода – то есть считались беглецами и по закону подлежали возвращению своим хозяевам. В 1603 году царь Борис отменил свободный выход, который продолжался два года, и следовало ждать, что скоро начнется сыск беглых. На юг уходили и разбитые под Москвой отряды повстанцев²⁸⁵, здесь скопилась масса горючего материала – по свидетельству летописи, беглые крестьяне и холопы «пошли к самозванцу отчасти и неволей, не имея пристанища нигде»²⁸⁶.

Вождем нового восстания стал самозванец, называвший себя царевичем Дмитрием, сыном Ивана Грозного. Самозванца поддерживали некоторые польские магнаты, предоставившие ему отряд наемников – но характерно, что царь Борис обвинил в поставлении самозванца не поляков, а своих врагов из боярской партии²⁸⁷. Таким образом, движение, по видимому, было инспирировано боярами, в чем проявился старый конфликт между аристократией и государством. Но искра попала в разнородную горючую смесь, к повстанцам примкнули беглые крестьяне и холопы, казаки и некоторые дворяне. Однако основную силу повстанцев составляло местное население, «украинные» казаки и крестьяне²⁸⁸.

Как отмечалось выше, население южных областей представляло собой особый социальный слой, обязанный своим появлением как новому оружию, пищалям, так и жизни на границе со степью. Крестьянин там легко становился казаком, воином, и крестьяне-казаки жили довольно зажиточно. В ряды восставших их толкал не голод и не отчаянное положение беженцев, у них были свои счета с Годуновым. Еще недавно южные крестьяне были зажиточными свободными людьми – а Годунов пытался отдать их в «крепость» помещикам. Приграничных казаков и стрельцов заставляли отбывать изнурительную барщину на «государевой пашне» – а между тем, эти люди несли сторожевую службу и новое оружие, пищаля, давало им силу перед лицом дворянской конницы. Ситуация напоминала восстание Уота Тайлера в Англии, когда крестьянам придавал силу и уверенность «большой лук». Растущее самоуважение этих людей столкнулось с попыткой вернуть их к прежней нищей жизни²⁸⁹ – в России, так же как в Англии, восстание крестьян и казаков было «революцией растущих надежд».

Однако и дворянство южных областей тоже принимало участие в восстании: как отмечалось выше, это были преимущественно бедные дворяне, не имевшие крестьян, обремененные повинностями и испытывавшие далеко не дружественные чувства к московским властям. В соответствии с демографически-структурной теорией борьба за сократившиеся ресурсы фрагментировала элиту и побуждала одни ее группы выступать против других. Для обнищавших воинов-дворян любая смута давала возможность поправить свои дела за счет грабежа; при этом им было выгодно поверить,

что претендент, называвший себя Дмитрием, так хорошо игравший свою роль и так много им обещавший, – действительно царский сын²⁹⁰.

Лжедмитрий обещал «живущим во градах и селех от большого чину до малого великую свою милость показать: оным величество и славу, оным богатство и честь, иным вольность и во всех винах пощада»²⁹¹. Крестьяне толпами вливались в армию самозванца²⁹². В ответ царь послал войска, которые чинили жестокие расправы над сельчанами²⁹³. Однако при известии о внезапной смерти Бориса Годунова южные дворяне, воевавшие до тех пор в составе царской армии, перешли на сторону самозванца, и в июне 1605 года при поддержке восставшего народа Лжедмитрий вступил в Москву. Новый царь объявил свое желание править по справедливости и обещал, что будет дважды в неделю лично принимать челобитные. Как при Иване IV, символом восстановления справедливости должен был стать новый Судебник, подготовленный по приказу Лжедмитрия. В этом Судебнике восстанавливалось право крестьянского перехода в Юрьев день – но работа над Судебником была прервана из-за гибели Лжедмитрия, и он не вступил в силу. Однако некоторые уступки Лжедмитрия его сторонникам были вполне реальны: царь ликвидировал «десятинную пашню» и признал свободными крестьян, бежавших на юг во время голода 1601-1603 годов – если они действительно «сбредли от бедности»²⁹⁴. Этот указ Лжедмитрия показывает, какую роль в начале гражданской войны играл голод и скопление на Юге массы бежавших от голода беглецов – очевидно, что они составляли значительную часть сторонников «царя Дмитрия».

Ко времени появления «Дмитрия» голод уже закончился, 1604 год принес богатый урожай. Экономическое положение вновь стало благоприятным. В соответствии с неомальтузианской теорией, уменьшение численности населения усугубило проблему нехватки рабочей силы, и это отразилось в повышении заработной платы. Оплата дворовых слуг в монастырях возросла по сравнению со временами до голода в полтора раза²⁹⁵. Цена на рожь в 1606 году составляла 32 деньги за четверть, то есть была примерно той же, что и до голода²⁹⁶. Таким образом, можно предполагать, что реальная заработная плата возросла после катастрофы в полтора раза. Как отмечалось выше, после голода и чумы 1568-1571 годов реальная плата возросла в 2,5 раза.

Лжедмитрий старался продолжать политику своего «отца», но, с другой стороны, на его поведении сказывалось пребывание в Польше. Царь выказывал свое пристрастие к польским порядкам, окружил себя польской и немецкой охраной, смеялся над московскими обычаями и предлагал боярам поехать учиться за границу²⁹⁷. Более всего возмущало москвичей желание Лжедмитрия жениться на «неверной» католичке, польке Марии Мнишек. Это пренебрежение русскими традициями вызвало националистическую реакцию, стали распространяться слухи, что царь – самозванец, поляк и католик; в мае 1606 года подстрекательство бояр вызвало восстание москвичей, и Лжедмитрий был убит.

После смерти Лжедмитрия Земской Собор избрал в цари Василия Шуйского, самого знатного из бояр, род которого восходил к Рюрику. Однако южные области не признали власть Шуйского, здесь считали, что «царь Дмитрий Иванович» спасся и находится в Польше. «Присланный царем» воевода Болотников собрал на юге войско и двинулся на Москву, в октябре повстанческая армия начала осаду столицы. Гражданская война принимала ожесточенный характер. «Идем вси и приимем Москву, – говорили повстанцы, – и потребим живущих в ней и обладаем ею, и разделим дома вельмож сильных, и благородные жены их и тщери приимем о жены себе»²⁹⁸. Почти все население Юга двинулось с Болотниковым на Москву. «И изыдоша множество народу с ним, – свидетельствует современник, – и не оставаша во странах тех, ни в градах, ни в селех, никто же, но токмо женский пол оставаша»²⁹⁹. Крестьяне не только Юга, но и многих других областей отказывались платить казенные налоги и оброки помещикам, многие уходили к Болотникову. Василий Шуйский, со своей стороны, делал все, чтобы собрать под свои знамена дворянство. Рискуя окончательно развалить поместную систему, царь стал раздавать не поместья, а вотчины – он даровал вотчины двум тысячам дворян³⁰⁰. В марте 1607 года царь утвердил новое Уложение, в котором отказался признавать законность каких-либо переходов и пообещал дворянам вернуть всех крестьян бежавших или ушедших с 1592 года³⁰¹. В Уложении прямо говорится о том, что именно запрет крестьянского выхода стал причиной «великих распрь», которые и «ныне чинятся»³⁰².

Власть пыталась внести раскол в среду восставших, отделить дворян от крестьян – и ей это отчасти удалось: дворяне из войска Болотникова перешли на сторону правительства. Дворянскому ополчению удалось одержать победу над войском Болотникова, но летом 1608 года к Москве подошла новая повстанческая армия во главе с воскресшим «царем Дмитрием Ивановичем» (Лжедмитрием II). «Дмитрий приказал объявить повсюду... – свидетельствует К. Буссов, – чтобы холопы пришли к нему, присягнули и получили от него поместья своих господ, а если там остались господские дочки, то пусть холопы возьмут их себе в жены и служат ему. Вот так-то многие нищие холопы стали дворянами...»³⁰³ Множество простых крестьян влилось в ряды казаков, они выбирали своих атаманов и устанавливали в городах свою власть³⁰⁴.

Во время войны казаки создали, по-видимому, по польскому образцу систему сбора кормов с местного населения, так называемую систему приставств. Таким образом, они пытались играть роль нового, противостоящего дворянству, военного сословия, к тому же опирающегося на новую военную технику – в отличие от рыцарей-дворян казаки были пехотинцами-пищальниками. Как отмечает В. Э. Лебедев, именно эти претензии казачества вызвали жестокую борьбу между казачеством и дворянством³⁰⁵, хотя, конечно, большую роль играло и стремление дворян прекратить уход крепостных в казаки. О социальном составе повстанцев на позднем этапе гражданской войны можно судить по документам о 94 пленных, захваченных

после разгрома в 1615 году одного из последних «казачьих» отрядов. Среди этих пленных 12% были дворянами, 7% – настоящими городскими казаками и стрельцами, 24% составляли «показавшиеся» крестьяне и 35% – «показавшиеся» холопы³⁰⁶.

Наряду с казаками, крестьянами и служилыми людьми в армии Лжедмитрия II были отряды польских магнатов, которые желали воспользоваться смутой в своих целях. Гражданская война открыла дорогу польской интервенции, осенью 1609 года Сигизмунд III осадил Смоленск, польские войска двигались к Москве. Летом 1610 года в битве при Клушине усиленная отрядом шведских наемников русская армия потерпела жестокое поражение. После этого разгрома группа московских дворян, сторонников «царя Дмитрия», свергла с престола Василия Шуйского. Однако бояре предпочли власть поляков власти «царя Дмитрия»: «Лучше убо государичу (королевичу – С. Н.) служить, – говорили они, – нежели от холопей своих побитыми быти и в вечной работе у них мучиться»³⁰⁷.

Москва присягнула польскому королевичу Владиславу, польский гарнизон вступил в Кремль. Вскоре началось разорение церквей, польские наемники грабили соборы Кремля, сдирали оклады с икон и покровы с великокняжеских гробниц. Хозяйничанье поляков в Москве и грабежи в волостях привели к подъему национальной борьбы. Патриарх Гермоген первым поднял голос в защиту религии и национальных традиций; он рассылал по городам призывы к выступлению против поляков. Смерть Лжедмитрия II облегчила процесс сплочения национальных сил, и весной 1611 года к Москве подступило ополчение, состоявшее из дворян, крестьян и казаков. Польский сейм не желал оплачивать наемную армию короля, и военное преимущество Польши сводилось на нет ее «безнарядными» порядками; король Сигизмунд овладел Смоленском, но так и не смог оказать помощи польскому гарнизону в Кремле. Тем не менее, ополченцам не удалось овладеть Москвой: в их лагере не было единства; когда дворяне стали требовать прикрепления крестьян, их вождь Прокопий Ляпунов был убит казаками, дворяне разошлись, и под Москвой осталась только часть крестьян и казаков. Летом 1612 года в Нижнем Новгороде и Ярославле собралось новое дворянское ополчение; оно подступило к Москве и вместе с казаками вынудило поляков к капитуляции. Польская интервенция привела к примирению враждующих партий, гражданская война закончилась, и наступил мир.

Анализ в рамках демографически-структурной теории показывает, что гражданская война характеризовалась достаточно сложной группировкой противоборствующих сил. Сравнение с двумя вариантами развития событий, которые имели место в европейских странах после Великой Чумы, позволяет сделать вывод, что российский сценарий был более близок к английскому варианту: так же, как в Англии, после демографической катастрофы мы видим перераспределение ресурсов в пользу крестьянства и ответные попытки закрепощения крестьян. В Англии эти попытки сразу же привели к крестьянскому восстанию, в России же они привели сначала к

голоду, а затем к гражданской войне, в которой крестьянское восстание слилось с внутриэлитным конфликтом подобным английской «войне Роз». Так же, как в Англии (и в некоторых других странах), причина внутреннего конфликта имела демографически-структурный характер: в условиях борьбы за ресурсы дворянство было расколото на различные фракции и сражалось само с собой (а также с восставшими крестьянами, казаками, и боярской властью). Наконец, чрезвычайно важным было участие в борьбе «третьей силы», нового сословия крестьян-казачков, сформировавшегося на южной границе; многие крестьяне в ходе войны «показались» и вошли в состав этого сословия³⁰⁸.

В конечном счете, главная причина войны – проблема крепостного права – так и не получила своего разрешения. Положение оставалось противоречивым: формально законы о прикреплении крестьян и 5-летнем сроке сыска остались в силе, но фактически они не действовали. На Юге крестьяне официально могли уходить от помещиков; в других районах они уходили, не обращая внимания на законы³⁰⁹. «При Михаиле Федоровиче бегство крестьян приняло грандиозные размеры, – пишет Ю. А. Тихонов. – Как правило, бежали семьями, иногда целыми деревнями. Беглецы захватывали с собой хозяйственный инвентарь, одежду, ульи с пчелами, уводили скот»³¹⁰. Найти и вернуть беглецов было очень трудно, практически невозможно: никаких государственных органов для сыска беглых не существовало, так как после крестьянской войны правительство делало все, чтобы избежать новых волнений³¹¹.

Главным результатом многолетней войны была всеобщая разруха. Голод и война принесли с собой новую катастрофу, численность населения намного уменьшилась. Экономический результат катастрофы начала XVII века был таким же, как и результат катастрофы 1570-х годов. Сокращение численности населения привело к недостатку рабочей силы и к увеличению реальной заработной платы.

Итак, Великая Смута привела к новой демографической катастрофе и, вместе с тем, к новому повышению уровня жизни крестьян. Так же, как в Англии, крестьянам удалось дать отпор попытке закрепощения – но, в отличие от Англии, успех русских крестьян оказался временным.

Долгая война привела к уменьшению численности дворянства. В 1580-х годах численность дворянского ополчения, ежегодно выходившего на южную границу, составляла 65 тысяч всадников; в 1630 году полевую службу могли нести лишь 15 тысяч дворян³¹².

2.4. Выводы

Итак, в какой степени концепция демографического циклизма объясняет социально-экономическое развитие России в период с конца XV до начала XVII века? Окончание междоусобных войн в 1450-х годах создало условия для восстановления экономики, и во второй половине XV века мы можем уверенно фиксировать признаки процесса, который описывается в неомальтузианской теории как *период восстановления*. Как отмечалось

выше, для этого периода характерны: *наличие большого количества свободных земель, относительно высокий уровень потребления основной массы населения, рост населения, рост посевных площадей, строительство новых (или восстановление разрушенных ранее) поселений, низкие цены на хлеб, дороговизна рабочей силы, незначительное развитие аренды и ростовщичества, ограниченное развитие городов и ремесел, социальная стабильность, рост численности элиты.*

В то же время в период восстановления отмечаются процессы, не связанные непосредственно с демографическим циклом: процесс становления самодержавия, введение поместной системы и формирование государственной властью нового социального слоя – поместного дворянства. Находясь на государственной службе, дворянство первоначально было частью государственной структуры, но постепенно, приобретая относительную самостоятельность (в частности, получив право самостоятельно устанавливать размеры оброка с поместных крестьян), дворянство стало также и частью элиты, приблизившись по положению к массе мелких вотчинников, детей боярских.

Необходимо также отметить, что уже с начала XVI века в некоторых пятинах новгородчины отмечаются признаки начавшегося *Сжатия*: *отсутствие свободных земель, крестьянское малоземелье, низкий уровень потребления основной массы населения, приостановка роста населения, рост цен на хлеб, частые сообщения о голоде и эпидемиях, уход разоренных крестьян в города, рост городов, развитие ремесел и торговли.*

Раннее начало Сжатия на новгородчине говорит о неравномерности развития различных областей. Существенную роль играло также то обстоятельство, что в этом регионе сохранялся традиционно высокий уровень оброка, что сужало экологическую нишу и затрудняло развитие крестьянского хозяйства.

К середине столетия признаки Сжатия появились и в центральных областях: *крестьянское малоземелье, высокие цены на хлеб, падение уровня реальной заработной платы, частые сообщения о голоде и стихийных бедствиях, распространение ростовщичества, развитие ремесел и торговли, рост городов, нарастание внутриэлитной конкуренции, раскол и фрагментация элиты, внешние войны с целью приобретения новых земель и понижения демографического давления.*

В отношении малоземелья положение в различных областях было, по видимому, не одинаковым, и в Центре (так же, как на новгородчине) существовали относительно бедные, перенаселенные области и относительно благополучные районы.

В середине столетия стали проявляться и такие признаки, как *рост социальной напряженности, восстания и попытки проведения социальных реформ с целью облегчения положения народа*, которые нашли свое выражение в Московском восстании 1547 года и в первых реформах Ивана IV, в частности, в создании Челобитного приказа.

Таким образом, в середине XVI века определяются контуры социального конфликта: с одной стороны, выступления народа против боярской аристократии, с другой стороны, конфликт между аристократией и дворянством на почве увеличения численности обеих социальных групп и обострения борьбы за ресурсы. *Оба этих конфликта находят свое объяснение в рамках демографически-структурной теории.*

Дальнейшее развитие событий, однако, не может быть объяснено в рамках однофакторной теории и требует более обстоятельного анализа с привлечением других действующих факторов, в частности, технического фактора и фактора внешних влияний. Анализ совокупного действия этих факторов позволяет дать вероятное объяснение социально-экономических и политических явлений, наблюдаемых в 1550-1570 годах, в том числе, наступления самодержавия, военных и административных реформ и острого конфликта монархии с боярской аристократией. Совместное действие указанных факторов привело к трансформации структуры «государство-элита-народ», то есть к качественным изменениям отношений между элементами структуры. Эти качественные изменения заключались в ликвидации относительной самостоятельности старой знати, в полном подчинении элиты государству, в отягчении условий военной службы, в появлении новых подчиненных государству неэлитных военных формирований, в создании новых инструментов бюрократического управления и в масштабном перераспределении ресурсов элиты и народа в пользу государства.

С другой стороны, перераспределение ресурсов и увеличение налогов в контексте неомальтузианской теории означало сокращение экологической ниши народа и резкое усиление Сжатия. Изъятие и без того немногочисленных ресурсов привело к нарушению компенсирующих механизмов экономической стабильности, к тому, что многие семьи уже не имели запасов на случай неурожая. В случае долгой войны такое положение должно было привести к катастрофе, и действительно, два неурожайных года породили страшный голод, а вслед за голодом пришла чума. Крымский хан воспользовался эпидемией, чтобы нанести Москве страшный удар – к эпидемиологической катастрофе присоединилась военная катастрофа.

Период конца 1560-х – начала 1570-х годов соответствует неомальтузианскому пониманию *экосоциального кризиса*. Хотя кризису предшествовало Сжатие, он был существенно ускорен чрезмерным налоговым давлением государства, которое сужало экологическую нишу этноса. Ситуации такого рода достаточно часто встречаются в истории, в числе примеров можно указать на демографическую катастрофу в Египте в начале VIII века, на гибель китайской империи Суй, на кризис, охвативший Францию в конце правления Людовика XIV³¹³.

В 1568-1571 годах мы наблюдаем *демографическую катастрофу: голод, эпидемии, нашествие внешних врагов, разрушение или запустение многих городов*. Однако социальных проявлений кризиса, восстаний, мятежей, внутренних войн пока не отмечается; так же, как в Европе середины XIV века, экономико-демографический кризис предшествует социальному.

Однако механизм кризиса развивался в том же направлении, что и в Европе: демографическая катастрофа породила дисбаланс социальных отношений. После катастрофы численность крестьянского населения намного уменьшилась; в соответствии с теорией это должно было привести – и привело – к повышению уровня жизни крестьян и уменьшению ренты. Уменьшение ренты вместе с сокращением числа плательщиков вызвало резкое падение доходов элиты и губительно отразилось на боеспособности дворянского ополчения.

Другой стороной экономической ситуации 1570-1590-х годов был финансовый кризис государства и частичная потеря управляемости (связанная также и со слабостью наследников Ивана Грозного). В этот период мы наблюдаем присутствие многих признаков, характерных, по Дж. Голдстоуну, для состояния накануне брейкдауна: раскол и фракционирование элиты, финансовый кризис государства и потеря управляемости. Экосоциальный кризис 1568-1572 годов не разрешил социальных проблем России, наоборот, как и западноевропейский кризис середины XIV века, он привел к социополитической дестабилизации, и кризис перешел в состояние неустойчивой депрессии. Экономический и социальный дисбаланс, порожденный первым кризисом, в конечном счете, привел к новому кризису – так называемой «Великой Смуте». Чтобы компенсировать этот дисбаланс, государство было вынуждено прикрепить крестьян к земле, что дало возможность дворянам увеличить ренту. В этой ситуации наиболее важным обстоятельством были условия прикрепления. Если бы правительство зафиксировало в переписных листах размеры крестьянского оброка (как оно делало еще недавно), то крестьяне смогли бы сохранить запасы зерна и голод 1601-1603 годов был бы не страшен (или не столь страшен). Но управляемость не была вполне восстановлена, и слабая правительственная власть была вынуждена уступить желаниям и требованиям дворянства. В результате закрепощение было проведено без законодательного ограничения помещичьих оброков и барщины. Это привело к резкому росту ренты в мелких поместьях – там, где помещик, чтобы снарядиться на войну, был вынужден отнимать у своих крестьян последнее.

С теоретической точки зрения закрепощение представляло собой новую *трансформацию структуры* – качественное изменение отношений между элементами структуры, в данном случае, между элитой и народом.

В Англии и во Франции XIV века сеньориальная реакция и попытки закрепощения сразу же привели к крестьянским восстаниям – но в России восстанию предшествовал голод. Механизм кризиса был примерно таким же, что и тридцать лет назад, но теперь зерно у крестьян отнимало не государство, а дворянство. Отнятие зерна у крестьян привело к тому, что они не имели хлебных запасов, и в случае неурожая это должно было повлечь страшный голод. Такой голод стал реальностью в 1601-1603 годах. Голод привел к крестьянским восстаниям; в центре эти восстания были подавлены, но массы наиболее активных повстанцев отступили на юг, где соеди-

нились с местными казаками и крестьянами. В итоге южные окраины стали очагом, откуда гражданская война распространилась на всю Россию.

Ситуация осложнялась тем, что, как и в Европе, социополитическая динамика имела еще одно направление развития. Под воздействием конкуренции за сократившиеся ресурсы элита стала раскалываться и фрагментироваться; отдельные ее группы были готовы выступить против других групп. Ситуация близко напоминала «Войну Роз» в Англии: достаточно было появиться претенденту на престол, как началась междоусобная война. В Англии успокоение не пришло, пока дворянство не истребило себя в усобицах и не было восстановлено равновесие между численностью элиты и численностью населения. В России в результате гражданской войны так же произошло уменьшение численности дворянства, однако, как мы увидим далее, социальное равновесие не было восстановлено, положение дворянства после Смуты оставалось тяжелым.

Гражданская война привела к польской интервенции, к взаимному изурованию борющихся сторон, и, в конце концов, закончилась компромиссом. Результатом голода и войны была новая демографическая катастрофа. Как и в 1570-х годах, уменьшение численности населения привело к снижению оброков и барщин. В итоге, уровень жизни крестьян снова повысился, а доходы помещиков – понизились. После окончания Смуты крепостное право не было формально отменено, но фактически сыск беглых не осуществлялся, и крестьяне могли уходить от своих хозяев. Таким образом, вопрос о крепостном праве остался неразрешенным.

В итоге, можно сделать вывод, что в конце XVI – начале XVII века в России имели место два экосоциальных кризиса, разделенных периодом неустойчивой депрессии. Второй кризис, «Великая смута», был вторичным по отношению к первому кризису; он был обусловлен той социополитической дестабилизацией, которая явилась результатом первого кризиса. Социальная стабильность была восстановлена лишь после второго кризиса, и в 1620-х годах начался период восстановления в новом демографическом цикле.

В заключение этой главы необходимо остановиться на критических замечаниях Роберта Крами, сделанных им по вопросу о возможности применения демографически-структурной теории для объяснения кризисов второй половины XVI-начала XVII века³¹⁴. Об одном из этих замечаний, касающемся объяснения колебаний численности населения влиянием эпидемий и неурожаяев мы уже говорили в пункте 2.3.7. Кроме того, Р. Крами утверждает, что рост цен в первой половине XVI века объясняется не демографическими факторами, а так называемой «революцией цен»³¹⁵. В примечании, однако, американский исследователь сам отмечает, что Б. Н. Миронов показал, что «революция цен» пришла в Россию только в XVIII веке³¹⁶. Более существенно, на наш взгляд, замечание Р. Крами о том, что кризис Смуты пришелся на время падения численности населения после кризиса 1570-х годов, что, как он считает, противоречит положению демографически-структурной теории о том, что кризисы являются результатами перенаселения. Однако выше мы показали, что кризис Смуты был вторичным по отношению к первому кризису; он был вызван социально-экономическими последствиями первого кризиса, который, в соответствии с теорией, произошел в условиях аграрной перенаселения.